

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 66

«Календари и время»

Москва ■

2014

Никитский клуб — клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ учреждён в июне 2000 года по инициативе учёных и предпринимателей, стремящихся объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны.

ЗАДАЧА НИКИТСКОГО КЛУБА — создать междисциплинарный форум авторитетных представителей профессионального сообщества с широким гражданским взглядом на важнейшие проблемы России, помочь обществу осознать интересы страны и вытекающей из этих интересов политики в различных сферах деятельности.

Никитский клуб проводит цикл публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте». Стенограммы «круглых столов» цикла размещаются на web-сайте: www.nikitskyclub.ru, а также публикуются в выпусках Никитского клуба и распространяются по списку рассылки в правительственные, общественно-политические учреждения, предпринимательские организации, СМИ, библиотеки, др.

Название «Никитский» связано, с одной стороны, с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, ныне Московской Биржи, при поддержке которой был создан и продолжает работу Клуб, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России. В этой части исторического центра столицы находятся культурные и образовательные учреждения с историческим прошлым.

Основатель и президент Никитского клуба (2000–2012)

С. П. Капица (1928–2012)

Вице-президенты:

Олег Вьюгин,

председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк»

Александр Привалов,

генеральный директор, научный редактор журнала «Эксперт»

Наталья Румянцева,

исполнительный директор Никитского клуба

Т: (495) 705-96-73

Ф: (495) 234-48-40

Е: nikitskyclub@moex.com

С.П. Капица:

«Мне вспоминается рассказ Самуила Яковлевича Маршака, которого я встречал в детстве. И он рассказывал, как будучи студентом в Оксфорде, шел по улице и хотел спросить: “Который час?”. И вместо того чтобы спросить: “What is the time?”, он спросил: “What is time?”. На него посмотрели удивленно и сказали: “That is a philosophical question”. С тех пор я помню, что это очень трудно.

Самое занятное, что ситуация повторилась через много лет, когда я тоже был в Оксфорде. Демонстрировали машину, обладавшую признаками искусственного интеллекта, и я задал этот вопрос: “What is time?”. Машина довольно долго думала и ответила: “Should you bother?” (“Стоит ли беспокоиться?”). Потом нам объяснили, как сконструирована машина. На корректно поставленные вопросы она могла, анализируя фразу, сконструировать ответ. А на какие-то произвольные вопросы у нее была заготовка “Should you bother?”, позволяющая отвязаться. Мой вопрос был такой, от которого можно было отвязаться.

Это были начала искусственного интеллекта. И так же как мы не понимаем, что такое интеллект по существу, — так же плохо мы понимаем, что такое время».

Границы настоящего: «ещё» или «уже»?

Заседание Никитского клуба в честь 75-летия С.П. Капицы.

27.02.2003 г. (в день рождения по старому стилю)

Круглый стол «Календари и время»

Заседание в честь дня рождения С. П. Капицы

13 февраля 2014 г.

Участники круглого стола:

Анохин Константин Владимирович,

руководитель отдела нейронаук НИЦ «Курчатовский институт»

Балдин Андрей Николаевич,

архитектор, книжный график, эссеист

Бортко Владимир Владимирович,

заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре; кинорежиссер, народный артист России

Виноградский Бронислав Брониславович,

китаевед, писатель, общественный деятель

Воскресенский Алексей Дмитриевич,

декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Захаров Александр Владимирович,

вице-президент ИК «Еврофинансы»

Мазурик Виктор Петрович,

доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Миркин Яков Моисеевич,

заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, председатель Совета директоров ИК «Еврофинансы»,

Москвин-Тарханов Михаил Иванович,

председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию и градостроительству

Нечипоренко Юрий Дмитриевич,

писатель, физик

Пилипец Олег Владимирович,

советник президента «Транснефть»

Привалов Александр Николаевич,

научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Сиднев Виктор Владимирович,

член бюро Экспертного совета АСИ (Агентства стратегических инициатив), директор Троицкого наноцентра

Соколов Александр Сергеевич,

ректор Московской государственной консерватории

Тамбовцев Виталий Леонидович,

профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Хемлин Маргарита Михайловна,

писатель, лауреат литературных премий «Большая книга», «Русский Букер», «Нос»

Черниговская Татьяна Владимировна,

профессор, член Ученого совета СПбГУ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ

Черников Андрей Александрович,

руководитель АДМ Чернихова, первый вице-президент МААМ (Международная академия архитектуры, Московское отделение)

Юзефович Леонид Абрамович,

писатель, сценарист, историк.

Круглый стол вел **Александр Привалов.**

А. Н. Привалов

Добрый вечер, коллеги! Тысяча извинений за опоздание! Ну, кстати, само это опоздание отчасти в пандан к теме заседания — сегодня мы говорим о времени,— иногда полезно наступить на ту мозоль, о которой пойдёт речь.

Наше сегодняшнее заседание, как принято отмечать это событие в Никитском клубе, проходит накануне дня рождения основателя и первого президента клуба. И для этого заседания мы постарались выбрать одну из тем, которыми интересовался Сергей Петрович. К счастью, это несложно: Сергей Петрович интересовался многими темами.

В программах, которые все вы получили перед началом заседания, нам напомнили забавную историю, которую несколько лет назад профессор Капица рассказывал на заседании клуба, по поводу того как его привели к электронно-вычислительной машине, претендовавшей на некую ступень искусственного интеллекта. Он её спросил: «What is time?», что есть время? Машина подумала и сказала: «Should you bother?», тебе-то какое дело? Вот я не знаю, что ответил Сергей Петрович наглой машине, но я знаю, что ответил бы я. Я бы ей ответил: «Normally — I shouldn't». В нормальной ситуации я бы не стал беспокоиться, но есть случаи, когда время заставляет о себе задуматься.

Я всё не могу избавиться от ощущения, что сейчас как раз такой случай. Я бывший математик. Я, в общем, как мне кажется, довольно трезвый человек, никакой нумерологией, никакими суевериями меня, в общем, не прошибить. Но я не могу отделаться от мысли, что у нас Четырнадцатый Год. Что у нас год столетия со дня, может быть, величайшего несчастья в истории человечества — начала Первой мировой войны. Что у нас 75 лет со дня начала второго акта этого несчастья — Второй мировой войны. Что у нас четверть века со дня разрушения ялтинской системы, со дня сноса Берлинской стены. Мы находимся в клубке этих совпадений. И надо быть каким-то очень уж спокойным человеком, чтобы не ощущать неопределённости, превосходящей обычную.

Ведь сейчас людям, одержимым вроде меня — у меня 14-й год всё время как бы в виске стучит,— всё происходящее кажется рифмой к тому или иному событию столетней давности. Но дело ведь не в частных рифмах — их можно искать так, искать сяк, их можно не искать. Сто лет назад мир сломался, как мне кажется, не потому, что сложились такие-то и такие-то обстоятельства. Мир сломался потому, что все как будто сошли с ума. Ведь все люди, которые отвечали за принятие малых и больших, как выяснилось, и огромных решений, руководствовались несуразно мелкими резонами. Сломалась иерархия.

А.Н. Привалов

Сломалась иерархия — люди сошли с ума. В этом главная рифма к тому, что мы сегодня наблюдаем.

Впрочем, я не хотел бы нагнетать особые печали. Потому что, насколько я понял, насколько я могу догадаться, — я не имел удовольствия побеседовать с докладчиками до начала заседания, я не знаю, о чём они будут говорить, но очень рассчитываю на то, что наши сегодняшние докладчики обратят внимание на более спокойные свойства как философического понятия времени, так и нормальных взаимоотношений человека отдельного и рода людского со временем. Я очень надеюсь на то, что я тут один сумасшедший, — не все сумасшедшие, как это было 100 лет назад.

Докладчикам, как обычно, даётся по 15–20 минут. Я буду, с одной стороны, чрезвычайно толерантен, с другой стороны, жутко свиреп по части регламента. Кто у нас первый? Андрей Николаевич Балдин [архитектор, книжный график, эссеист], прошу Вас.

А. Н. Балдин

Спасибо. Очень хотелось бы выполнить Ваше поручение. Не поручение, пожелание. По идее, есть такая возможность — уйти от всего современного и ужасного, спрятаться во Льве Толстом. Посмотрим.

Я хотел бы поговорить о Толстом, его отношении к календарю и в частности к праздникам. Ещё более в частности — к празднику Сретения. Сретение — послезавтра [15 февраля]. Мы сейчас именно в этой точке на шестерёнке московского календарного круга. Боюсь, правда, не получится удержаться в пределах праздничной темы, непременно уведёт в те материи, о которых Вы говорили. Можно сколько угодно разбирать Толстого и московский календарь, но всё равно рано или поздно возникает эта тема: при всей красоте и сложности этот календарь *хрупок*.

Этот сюжет я и попытаюсь проследить: от красоты и сложности нашего многоэтажного календаря — языческого, народного, христианского, советского — к его хрупкости.

Календарная суть Сретения проста: это встреча Ветхого и Нового Заветов. «Сретение» и есть «встреча». Младенца Христа приносят в храм, это его первое путешествие (очень важно это начало движения). Его встречает старец Симеон, один из переводчиков Ветхого Завета, так называемой Септуагинты, «перевода семидесяти». Симеон наказан тяжким бессмертием за неточность в переводе, он, согласно легенде, ждёт несколько сотен лет встречи с Новым Богом, чтобы тот освободил его, дал умереть. Так встречаются два времени — Симеона и Христа, ветхого и нового.

Сразу же обозначена драма: узнает ли старец Симеон младенца Христа? Симеон узнает его — встреча, Сретение времён происходит. Но есть сложный блик смысла, есть опасность *невстречи*. Сретение драматично. Оно в этом выборе — узнает, не узнает? — шатко и хрупко. Оно помещено между покоем и движением. Год только начинается, до солнца и тепла, до большого времени далеко. Это зависание между покоем и движением задолго до христианства оценивалось и разыгрывалось в различных сакральных церемониях. Языческое выкликание весны, которое теперь трансформировалось в Масленицу: тот же сюжет — встреча двух сезонов, *сретение* зимы и весны. Так наслаиваются один на другой шестерёнки календарей (даже в советском календаре есть эхо Сретения — 8 марта).

Это важный сюжет — «запуск» года. Нельзя пропускать эту церемонию. В этом году Масленица чуть-чуть сдвинута, она начнётся 24 февраля. Не иначе, из-за Олимпиады.

Масленица — переходящий праздник, она связана с кругом пасхальных церемоний, Сретение — «стационарный». Календарь — живое строение, он движется и местами шатается, переживается ярко и сюжетно.

А. Н. Балдин

Толстой, разумеется, не пропускает этого праздника в своём романе-календаре «Война и мир». Все большие праздники явно или скрыто в этом романе описаны. Есть и Сретение — это знаменитое похищение Наташи Анатоном Курагиным. Это драматическая, опасная церемония. Давайте вспоминать. Ростовы в конце января 1812 года приезжают в Москву из Отрадного, кстати, после долгих деревенских празднований. Эта смысловая цепочка — с сентября по февраль — очень важна для Толстого. Охота, погоня за волком, танец Наташи в лесу у дядюшки, затем большие Святки, Наташей же организованные, — это её колдовские, языческие церемонии. Великолепные, лучшие сцены романа. Неслучайно лучшие: Толстой, не отрываясь, следит за течением времени, за ходом русских шестерён.

И вот он перевозит колдунью Наташу в Москву. В её жизни предстоят важные перемены, она собирается замуж. В представлении Толстого она должна «христианизироваться», перейти из одного состояния времени в другое. Ей нужно пересесть с языческой на христианскую шестерёнку. Толстой прекрасно понимает этот момент, он организует приключения

Наташи в Москве как характерную сретенскую церемонию. Театр, переодевание, карнавал — узнаваемые масленичные игры. Есть и бесы — Элен с Анатолем Курагиным и т.д. И пик этого веселья приходится на Сретенье. Ключевая точка драмы — похищение Наташи. Что же происходит? То, чем опасно Сретение. Совершается *невстреча* Наташи с женихом, с замужеством, со следующим большим временем. Отменяется свадьба, откладывается её христианство.

Толстой очень красиво и, безусловно, осмысленно разыгрывает несостоявшийся сюжет встречи времён со всей сопутствующей драмой. (Сретение удастся Наташе только на следующий год, 1813-й, — тогда она встретит суженого ей Пьера; только тогда, после победы соединятся её московские времена.)

Следить за этими коловращениями сюжетов очень интересно. Толстой большой кружевник и изобретатель композиционных шестерёнок.

И теперь — не о красоте, но о хрупкости календаря. Те же сюжеты: Толстой, «Война и мир», охота, Святки и за ними московская Масленица, она же Сретение. Та же последовательность праздников. И — другие акценты.

Все мы помним, как во время охоты Наташа танцует под аккомпанемент дядюшки по прозвищу «Чистое дело марш». Бондарчук в своём фильме делает из её танца вставной балетный номер. Смысл номера — в народности: как же глубоко эта офранцуженная графинюшка проникает в русскую душу! Бондарчук праздничным голосом произносит эти слова за кадром. Кстати, танец в фильме выглядит, на мой взгляд, некоторым сувениром. Не охотничий танец, немного искусственный и проч.

И вот я добрался в своих исканиях, в этих как раз хронометрических исследованиях до одного места в дневниках Толстого, где он описывает реальную ситуацию, послужившую прототипом танца Наташи. Он был в гостях у сестры и наблюдал народный танец; начали крестьянские девушки, затем в их круг вошла родственница Толстых и принялась плясать. Толстой внимательно и как будто с ужасом следит за тем, что с ней происходит. Никакого тут нет сувенира, никакого балетного номера из репертуара ансамбля Игоря Моисеева. Это скорее Дмитрий Покровский, его «языческий» ансамбль. Толстой пишет, что это была не пляска, а тряска. Девушки ритмично подпрыгивали, и родственница Льва Николаевича, записная дворянка, так же тряслась и подпрыгивала. И сознание ушло из её глаз. Об этом пишет в дневнике, этого боится Толстой. Только что это был человек их круга, а стал зверь. И слова Толстого в романе, которые возвышенным голосом произносит Бондарчук, можно было бы произнести с другой интонацией. Что же ты, графинюшка, учили тебя, учили, возвысили до высокой культуры, но стоило блякнуть в углу весёлой балалайке, и ты затряслась,

утратила память — стала зверем. Созданием вне времени, без завтра, без вчера, без истории, которое существует как будто в коконе одного «сейчас».

Это важно для Толстого, потому что он сам тайно ищет подобный «кокон времени», без вчера и завтра, который — «всегда», волшебный кокон *самовремени*, в котором можно спрятаться от смерти. Поэтому он с напряжённым вниманием смотрит за тряской, за потерей сознания образованной женщины. И он ужасается увиденному, потому что этот «ноль сознания» не спасение от смерти, а забывание о ней. И это «языческое» наблюдение становится прототипом сцены с танцем Наташи. Это важное уточнение, потому что на самом деле Наташа никакая не язычница. Она играет в язычество, не веруя ни в одно народное верование.

Так же и Святки, которые разворачиваются после охоты. Это игра без веры. Игра в вечность без завтра, в то, что «сейчас» будет «всегда». «Хочу сейчас, хочу, чтобы он (князь Андрей) был здесь». С этого пожелания начинаются её странные Святки. Почему странные? Потому что согласно их «языческому» перевёрнутому сюжету Николай Ростов должен жениться на кузине Софье. Но самому Толстому нужно, чтобы Николай Ростов, в котором он выводит своего отца, должен встретиться с княжной Марьей. Это же его родители, Николай Ильич Толстой и Марья Николаевна Волконская. И поэтому тот фантомный брак, который затевается Наташей на Святки, угрожает Толстому исчезновением из времени. Не будет никакого Толстого, если поженятся Николай и Софья. Кстати, эта угроза была, у его отца действительно был роман с кузиной, Татьяной Ергольской, и опасность того, что Лев не состоится, была.

Сразу на ум идёт американское кино «Назад в будущее», где молодой человек попадает в прошлое и должен организовать встречу своих родителей, и когда у них что-то не получается, он начинает исчезать.

Но это шутки и комедия, а у Толстого всё всерьёз. Праздник Святки, который организует «колдунья» Наташа, для него хронометрически опасен. Выпадение Наташи из времени означает его исчезновение и гибель. И поэтому, когда эта играющая в язычество девушка приезжает в Москву, Толстой казнит её. Он вовсе не испытывает, не играет с ней, он её казнит. Наташа не остаётся на прежней шестерёнке, а проваливается между колёсами московского календаря — и погибает.

Это очень важно понять в контексте толстовского восприятия бытия-небытия. Шестерёнки вращаются в пустоте; небытие ожидает того, кто не удерживается на них, кто стремится избежать хода времени, выйти из календарного сознания.

Календарь — это форма сознания, частная и общая. Календарём одевается сознание. Наше сознание — через дефис: со-знание — наша общая

память собирает время праздниками. Оно составляет не Я-время, в капсуле которого погибает Наташа, но Мы-время, в котором в итоге спасается. Сознание живёт в Мы-времени. Толстой, изучая геометрию московского сознания, собирает роман-календарь, в котором осознанно и очень красиво «вывязывает» спасительную ткань Мы-времени. Если эта ткань рвётся, происходит раскалендаривание, потеря *со-знания времени*. И вот пример: Толстой в своём Сретенском сюжете последовательно и грамотно описывает раскалендаривание, гибель Наташи.

И это не просто художественные опыты. Толстой тут вовсе не художествует. Он занимается исследованием того, как в русской голове укладывается большое время. Или не укладывается, рвётся, переводя русское сознание в состояние хаоса. Роман это способ свести результаты исследования в целое. Замысел Толстого был — дать народу предание о верном времени. Или неверном, хрупком времени, дырявом и шатком календаре. Он настаивал именно на таком, хронометрическом содержании своего романа, о чём прямо писал в его эпилоге. Он, кстати, был очень огорчён, когда этого послания не поняли. Ругал читателей, ругал весь русский народ за непонимание, за нежелание думать о правильном поведении во времени.

Увы, в этом смысле Толстой оказался пророком. Художествуя, он, по сути, предрёк катастрофу 1917 года — Сретенскую, февральскую катастрофу. Революция начинается в Петербурге — на Сретенье, на Масленицу. Не привезли в должном количестве муки в Петербург, блины испечь оказалось не из чего, и голодные бабы с пустыми мешками пошли сначала по магазинам, по амбарам, а потом по солдатским казармам. И началось то, что началось. Большая пляска-тряска, только не Наташи, ушедшей в транс, а всей России.

Разумеется, революция имела базовые «ленинские» причины. Но был этот спусковой крючок — несостоявшийся праздник, когда разошлись шестерёнки русского календаря. Разошлись шестерёнки *со-знания*. Произошла отмена иерархии времени, когда «вчера» и «завтра» исчезли, и осталось только Наташино «сейчас». Да, были марксистские и антимарксистские закономерности в том, что произошло. Но у всех аналитиков и наблюдателей слышно изумление: как могло всё развалиться в одно мгновение? Как писал Розанов, Россия слиняла в один день. У нас сейчас своё значение слова «слиняла», весёлое, праздничное значение.

Так или иначе, произошла мгновенная пропажа мира. Непродолжение времени, Антисретение.

Толстой, конечно, не заказывал такого сюжета. Наоборот, он пытался предупредить его, зная, как тонко и хрупко российское *со-знание времени*. Примерно так, таково короткое сообщение о красоте и хрупкости нашего календаря.

Теперь нужно изящно вывернуться и сказать что-то хорошее. Что-то обнадеживающее о Толстом. Его великое произведение есть великое предупреждение о календарных кружевах и разрывах во времени. Оно есть, это предупреждение. Это хорошо? Я пытаюсь остановиться на хорошем: есть роман-предупреждение. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич, Вы очень трогательно старались вырвать к оптимизму. Не могу вспомнить, в какой «Алисе», то ли в первой части, то ли во второй [Л. Кэрл. «Алиса в стране чудес»], Алиса говорит о ком-то, кто утонул, разбился или повесился: «Это послужит ему уроком». Это правильно.

А. Н. Балдин

Да-да-да, вот в этом смысле — да.

А. Н. Привалов

Сейчас я предоставляю слово сразу двум докладчикам. Татьяна Владимировна Черниговская [профессор, зав. кафедрой конвергенции естественных и гуманитарных наук и лабораторией когнитивных исследований СПбГУ] и Константин Владимирович Анохин [руководитель отдела нейронаук, НИЦ «Курчатовский институт»]. Я не знаю, в какой последовательности вы будете выступать.

Т. В. Черниговская

А мы только что договорились. Да, у нас вполне в духе момента: парное катание, и даже подозреваю, что фигурное [заседание проходило в дни зимней Олимпиады в Сочи].

А. Н. Привалов

Хорошо.

Т. В. Черниговская

И поскольку я буду говорить об общих вещах, а Константин Владимирович в отличие от меня — о серьёзных, то начать лучше мне.

И начну я с того, что мою часть «танца» назову вопросом, а именно: время — это дом, в котором мы живём, или оно порождается нашим мозгом? Это к вопросу о муче или сумасшествии. Я, конечно, вынуждена сказать, что Вас [А. Привалову] я вовсе не удовлетворю и ничего оптимистического не скажу. Но я хочу сказать, что одним из первых, кто мучился по поводу

времени, был, конечно, Августин Блаженный, который сказал следующее: «Будущее ещё не наступило, — я цитирую, — а настоящего как бы и нет, или, напротив, только оно и есть. Прошлое обязано своим существованием нашей памяти, а будущее — нашей надежде». И это его мучило всё время.

Я в связи с этим прочту три очень коротких цитаты. Одна — это, я бы сказала, такая злая шутка Нильса Бора, он сказал следующее: «Prediction is very difficult, especially about the future», — ни больше, ни меньше. Предсказывать что-нибудь чрезвычайно трудно, особенно в отношении будущего. Приложил, да.

Вторые слова я тоже скажу по-английски, а потом по-русски. Это Джейн Остин, и слова такие: «Do not attack me with your watch. A watch is always too fast or too slow. I cannot be dictated by a watch». То есть не приставайте ко мне с вашими часами, они всегда идут либо слишком медленно, либо слишком быстро. Я не позволю часам брать надо мной власть, они мне как бы не указ.

К чему я клоню, — а не является ли вообще всё это продукцией нашего сознания? Но поскольку я не знаю, что такое сознание, то — продукцией нашего мозга? После того как в начале XX века уже появилась квантовая физика, начали ходить все эти «коты Шрёдингера»¹, мои любимые, и показали нам, что в микромире вообще как-то странно дело обстоит и с пространством, и со временем. Некоторое время мы жили спокойно, потому что считали, что микромир нас как бы не касается. Но уже давным-давно ясно, что это нас касается, и то пространство и время, в котором мы живём, чрезвычайно зависит от того, кто в нём живёт, кто за этим наблюдает.

Представление о том, что время течёт, как река, без перерыва, с одинаковой скоростью, само по себе течёт, на него ничто ни влияет, течёт равномерно и, хуже того, равнонаправленно, то есть однонаправленно, — вот эта точка зрения, похоже, устарела. С ньютоновской метафорой времени, как такой объективно текущей реки, приходится распрощаться.

Мозг постоянно должен делать совершенно дикую работу: он должен определять, в каком порядке что, когда, где происходит. У мозга есть разные шкалы — никаких иллюзий по поводу того, что мы знаем, что это за шкалы или что результат работы с этими шкалами выводится в сознание. Мозг спокойно обходится без нас, он сам там чего-то делает. Он должен, его задача — хоть какую-то более или менее «адекватную» картину мира всё

¹ «Кот Шрёдингера» — объект мысленного эксперимента, предложенного австрийским физиком-теоретиком, одним из создателей квантовой механики, Эрвином Шрёдингером (1887–1961), которым он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим. (См. также выступление Т. Черниговской: «Канун 14-го», Выпуск Никитского клуба № 65.)

Т. В. Черниговская

время поставлять «владельцу» (в ста кавычках) этого мозга. Ну, как бы более или менее ему показывать, куда он попал.

Но не стоит забывать о временных иллюзиях, о зависимости оценки времени от эмоциональной ситуации, внешней и внутренней. И это лучше всего разработал Анри Бергсон², который находился в споре с Эйнштейном. А до этого Ньютон и Кант говорили, что время объективно, оно вообще связано с реальным миром, и соответственно у него есть свои характеристики. Бергсон говорил: нет, это вы бросьте, это всё зависит от внутренних условий. Мало того, в мозгу есть и некоторые фильгры, которые являют роль ускорителей или замедлителей того, что в мозг приходит, — к счастью для нас, потому что иначе мы бы оказывались, извините за пошлое сравнение, в ситуации фильма «Матрица», когда видно, как пули летят, и они как бы останавливаются.

² Анри Бергсон (1889–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни.

Я хочу сказать, что мы всё время находимся в разных шкалах. Какие из этих шкал имеют какое бы то ни было отношение к объективности? Я бы вообще так вопрос не ставила. Потому что — ну, это, конечно, хулиганство, но близкое к правде, — как-то насчёт объективности у меня есть большие сомнения. В известных пределах, конечно, возможно при мозговых нарушениях. Это уже без всяких шуток. Мы понимаем, что мозговые нарушения могут время замедлять, останавливать, переворачивать. А поскольку в нас происходят химические и физические процессы, то влиять на такие, казалось бы, высокого ранга идеальные события могут такие банальные вещи, как, скажем, марихуана или кокаин, или, естественно, происходящие в мозгу патологические процессы. Иначе говоря, надежды на то, что время — это действительно какая-то река, а мы по этой реке плаваем, — вот с этим непорядок.

В мозге, кстати говоря, есть зона, которая отвечает не только за воспоминания, но и за способность что-то вообразить. То бишь, если выражаться метафорически, это некая зона, где прошлое встречается с будущим, и это гиппокамп [часть системы головного мозга]. Есть участок — гипоталамус, который ответствен за биологические часы, то есть мозг напридумывал себе разные устройства, чтобы как-то вообще с этим всем справляться. Различает ли мозг — это даже мой вопрос «партнёру по танцу» [К. Анохину], — различает ли мозг на самом деле такие вещи, как «до» и «после», или это мы напридумывали, что есть эти «до» и «после»? Они на самом деле есть? Как, например, в XXI веке относиться к каузальности, то есть к причинно-следственным связям? Потому что опять-таки все эти квантовые законы нам говорят, что с этим непорядок, и что каузальность — ещё неизвестно, есть ли она. Что было раньше — причина или следствие?

Давно очевидна несводимость таких страшных вещей, о которых я говорю, к цифровым алгоритмам. Мозг — это не компьютер в том смысле, в котором мы банально понимаем компьютер. Паскаль, между прочим, писал, что разум действует медленно, учитывая так много факторов и принципов, что поминутно устаёт и разбегается. Я почему цитирую его, потому что мне это понравилось: разум устаёт и разбегается, не имея возможности одновременно удержать всё, что в него попадает. Он даже просто удержать это не может, у него как бы такой дефицит внимания — то на *это* посмотрит, то на *это* посмотрит. Это значит, что никто не обещал, что он учитывает все «объективные» в ста кавычках факторы, которые к нему приходят.

Чувства, говорит Паскаль, действуют иначе — мгновенно и всегда. При этом под чувством он не имеет в виду именно чувства так, как мы привыкли думать. На самом деле то, что он в своём знаменитом произведении «Мысли» называл чувством, вдохновением, сердцем, чутьём суждения, — он этим

обозначает непосредственное восприятие живой реальности в противоположность рассудочному знанию, размышлению об этом и т.д.

Ну, поскольку мы танцуем на двоих, то я бы вернулась к Паскалю, который, как и Августин Блаженный, говорит следующее: *«Мы никогда не задерживаемся в настоящем. Мы вспоминаем прошлое, мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг, или вспоминаем прошлое, чтобы остановить его мимолётность. Мы так неосмотрительны, — пишет он, — что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит. Настоящее не бывает никогда нашей целью. Похоже, что мы вообще не живём, но лишь жить собираемся».*

И закончу я тоже цитатой, из Пуанкаре, он пишет следующее: *«Та гармония, которую человеческий разум полагает открыть в природе, — существует ли она вообще вне человеческого разума? В силу естественного отбора наш ум приспособился к условиям внешнего мира, — я подчёркиваю: „приспособился ум, приспособился к условиям внешнего мира“, — усвоил себе геометрию, наиболее выгодную для вида»,* то есть для нас. Не всю геометрию, а ту, в которой нам жить хорошо. Другими словами, наиболее нам удобную.

Я всё это веду к вопросу, который меня мучает, и никакой надежды, что он меня мучить перестанет, а именно: мы мозгу можем доверять или нет? он нам, вообще, поставляет информацию ну хоть сколько-то правильную? И что такое «правильная», поскольку у нас нет никакого критерия? Обычно, когда говоришь с философами или, что ещё страшнее, со студентами и аспирантами, острыми и умными, — они говорят: «Нет, ну как же, нас здесь много собралось и из-за того что нас много собралось, у нас есть надежда, что это коллективное знание имеет какую-то объективность». Это вызывает у меня просто смех! Потому что все те «много», которые собрались, могут быть произведены моим мозгом. У меня нет никакой надежды на то... Что? (**А. Н. Привалов:** «Солипсизм».) Солипсизм [крайняя форма субъективного идеализма], да.

Да, я отдаю себе отчёт во всех опасностях. Это к тому, что нервность нас не отпускает, алармизм мне присущ не в меньшей мере, чем нашему ведущему. И ничем порадовать не могу. А вот теперь Константин Владимирович расскажет более положительные, я надеюсь, вещи.

А. Н. Привалов

Прошу, Константин Владимирович [Анохин, руководитель отдела нейронаук НИЦ «Курчатовский институт»], пожалуйста!

К. В. Анохин

Я расскажу не более положительные вещи, а, может быть, просто менее эмоциональные. Прошу извинить меня за сухость того, о чём я буду говорить. Я постараюсь рассмотреть время с позиции того, как оно связано с материей, которая его производит, — нашим мозгом.

Я сразу должен сказать, что я не специалист в этой области. И вообще специалистов именно в этой области, специалистов, исследующих мозг и время, в мире пока очень немного. Традиция классической психологии обращаться к вопросу о времени очень глубока и возникла с самим возникновением научной психологии, с работами Фехнера³, Джеймса⁴ в конце XIX века. Однако учёные, занимающиеся мозгом, исследуют эту проблему совсем недавно, и существует много противоречий в том, что они думают.

Ясно, что наш мозг содержит часы. Более того, ясно, что он, видимо, содержит много разных часов, которые настроены по-разному. И есть разные гипотезы о том, где эти часы расположены в мозге и какие циклы они поддерживают. Пройдёмся по некоторым фактам — это обычное начало развития какой-то науки, когда она сначала собирает эмпирический материал.

Например, мы и животные. Декарт и следовавшие за ним дуалисты отделяли человека от животных. И до конца 1990-х годов считалось, что животные не имеют субъективного времени — только люди обладают им. Это мы можем жить прошлым, настоящим и будущим. Животные, как предполагалось, живут только настоящим. Это не означает, что они не вырабатывают условных рефлексов и не могут реагировать на ситуации, которые встречались им в жизни, действуя адекватно своему прошлому опыту. Это означает, что у них нет того, что получило в последнее время в литературе название *Mental Time Travel* (мысленного путешествия во времени). Считалось, что они не могут мысленно вернуться в своё прошлое или тем более забежать в будущее. Они живут, как выразился один из выдающихся исследователей сознания Дж. Эдельман, «в запомненном настоящем» — это очень короткий момент времени, в который они обладают неким сознательным восприятием того, что происходит.

Однако эта оценка изменилась в последние 10–15 лет. Как выяснилось в детальных экспериментах, животные помнят, что с ними происходило, они помнят, где это происходило, и более того, они имеют представление

³ Фехнер Густав Теодор (1881–1887) — немецкий физик, философ и психолог, основатель психофизики.

⁴ Джеймс Уильям (1842–1910) — американский психолог и философ, основоположник прагматизма.

К. В. Анохин

о времени, когда это происходило. Они способны знать, что происходило с ними неделю назад по сравнению с месяцем назад или сутками назад и действовать соответственно своим возвращениям к этим событиям, то есть путешествовать во времени. Область таких ментальных путешествий у животных до конца не изучена, и относительно этих феноменов идут очень жаростные споры, но эта область исследований накапливает всё больше и больше результатов.

Что в отношении восприятия времени человеком? Посмотрим на некоторые факты в этой области.

Первое — какое время мы способны различать, какое минимальное время способен различать наш мозг? Эксперименты показывают, что события, между которыми проходит до 4 миллисекунд, мы воспринимаем как одновременные. Мы начинаем надёжно различать два события, если между ними имеется интервал примерно 20 миллисекунд.

Но в действительности в мозге происходит ещё и другая вещь. Дело в том, что разные системы, работающие в мозге, связанные, например, со зрением,

слухом, организацией движения, судя по всему, работают каждая в своих часах и в разном темпе. И это приводит к тому, что восприятие в одних сенсорных регистрах происходит быстрее, чем в других. Например, зрение позволяет нам воспринимать то, что происходит в мире, быстрее, чем слух.

В развитии телевидения был период, когда очень беспокоились о синхронизации звука и визуального ряда, пока не обнаружили эмпирически, что это неважно, если десинхронизация не происходит больше, чем на 100 миллисекунд. Очень интересно, что делает наш мозг в этом интервале: он, получив зрительную информацию, ждёт ещё и слуховой информации, и когда она приходит, он относит событие, которое произошло раньше на 100 миллисекунд, к тому моменту, когда пришла самая последняя информация, которую можно увязать в некую понятную сцену, то есть звук.

Конечно, мозгу невыгодно слишком далеко разносить реальность и восприятие, чтобы не действовать с большим опозданием. Но поскольку сознание — это всегда связывание чего-то в единую сцену, то эксперименты показывают другую вещь, которую мы обычно не замечаем, — что от момента действия каких-то событий до того, как мы осознаем их, проходит несколько сотен миллисекунд, иногда полсекунды. Мозг наш при этом воспринимает эту информацию, первые его реакции мы видим через несколько десятков миллисекунд, но момент осознания того, что произошло, происходит в интервале 200–400 миллисекунд. То есть мы живём с такой задержкой во времени.

Другой важный вопрос: каким образом вообще строится восприятие времени? Эксперименты показывают, что понятие времени у детей начинает развиваться в тот момент, когда они становятся способными воспринимать последовательность событий, которые они различают, а также рефлексировать по этому поводу. Это связано с созреванием некоторых наиболее поздно развивающихся у человека структур мозга — префронтальной коры и гиппокампа. И это говорит о том, что некие «кадры» событий мы связываем в последовательность, которая и становится тем, что мы называем временем. Каждый такой одиночный кадр в потоке нашего сознания, своего рода «стоячая волна», занимает от 200 до 400 миллисекунд. Наше субъективное время состоит из этих последовательностей.

Мы знаем также, что восприятие времени может модулироваться физиологическими состояниями мозга и организма. Например, известно, что температура тела может влиять на восприятие времени. Интересно, что поводом для экспериментальных исследований этого феномена послужило то, что один из учёных в 1930-е годы пошёл в аптеку за аспирином для своей жены, у которой была высокая температура. И хотя это заняло у него всего

20 минут, когда он вернулся, жена была уверена, что он отсутствовал более часа. Он задумался над этим и начал проводить систематические эксперименты. Сейчас таких данных уже много.

Татьяна Владимировна говорила, что многие препараты, влияющие на работу нервной системы, в частности психоделические препараты ЛСД, кетамин, изменяют восприятие времени, его можно сжимать или растягивать, в зависимости от принимаемого препарата. Более того, химические системы мозга, которые являются мишенями этих препаратов, если даже они изменены не под влиянием фармакологических препаратов, влияют на то, каким образом мы воспринимаем время и растягиваем его в своём восприятии. Одна из главных химических систем мозга, которая, как считается, связана с восприятием времени, — это дофаминовая система. Мы знаем её, например, по тому, что она страдает при болезни Паркинсона. В замечательной книге Оливера Сакса «Пробуждение» есть эпизод, когда одного из пациентов, страдающих паркинсонизмом, просят хлопать в ладоши с определённой частотой. Сначала он делает это хорошо, потом сбивается на более высокую частоту, потом переходит к хаотическим хлопкам, а потом вообще замирает, что характерно для паркинсонизма. Но когда он затем спрашивает, удовлетворены ли были окружающие тем, как он это сделал, и ему говорят, что нет, он обижается, потому что сам уверен, что хлопал с регулярными интервалами. Если такие пациенты получают препараты, компенсирующие нарушенные функции дофаминовой системы (L-допа), то у них восстанавливается и нормальное восприятие времени

Дети с синдромом гиперактивности, при котором также страдает дофаминовая система, тоже имеют нарушенную оценку времени — оно у них растянуто.

С возрастом время для человека становится более сжатым. Это носит название возрастной компрессии времени. Есть разные гипотезы относительно причин этого феномена, и одна из них связывает это с как раз с тем, что дофаминовая система мозга с возрастом становится менее активной, и это и влияет на восприятие времени.

Существуют и другие объяснения феномена возрастной компрессии времени. Одна из первых гипотез принадлежала тому же Уильяму Джеймсу. Она состояла в том, что с годами нам в жизни встречается всё меньше и меньше новых событий, мы меньше запоминаем, наше время становится менее насыщенным, и мы воспринимаем его как более сжатое. Действительно, когда людям дают отметить свой возраст на шкале всей жизни, то более пожилые люди систематически недооценивают пройденный жизненный срок, что совпадает с гипотезой возрастной компрессии времени.

В одном из недавних исследований двум группам испытуемых — в возрасте от 18 до 24 и от 60 до 80 лет — предлагали отметить время, остановить секундомер, когда, по их мнению, проходит 3 минуты. И оказалось, что для молодых людей среднее время остановки секундомера было 3 минуты 3 секунды, то есть они достаточно точно оценивали физическое время. Пожилые люди останавливали секундомер в среднем через 3 минуты 40 секунд. Это показывает, что с возрастом происходят изменения и в динамическом восприятии текущего времени.

Но исследователи больше внимания уделяют тому, что с возрастом меняется сама шкала времени, связанная с памятью. Например, один день для одиннадцатилетнего ребёнка составляет примерно 1/4000 фрагмент его прожитой жизни. А для человека в возрасте 50–60 лет этот интервал времени составляет уже всего 1/20000 фрагмент из его прожитой жизни.

Субъективность времени обращает на себя внимание не только учёных, занимающихся мозгом, но, например, и экономистов. И я возвращаюсь здесь к Сергею Петровичу и его интересам к проблеме времени в связи с изменением темпов жизни человечества, которые он рассчитывал в своих работах. Экономисты задают сегодня важный вопрос: когда человек с возрастом начинает более компрессировано воспринимать время, то как это влияет на планирование им действий, на аллокацию им ресурсов времени? А с другой стороны, как это влияет, например, на отношение человека к потреблению? Начинает ли он потреблять больше ближе к концу жизни, считая, что не так уж много времени осталось жить, и смерть приближается ускоряющимися темпами? И как субъективная оценка шкалы времени жизни влияет на финансовые вложения? Сергей Петрович считал, что основными факторами в изменении темпов развития цивилизации являются культура и функции сознания, которое, как мы видим, пронизано часами и субъективной оценкой времени. Вся эта область, лежащая в центре трансформации цивилизационного процесса, сегодня ещё недостаточно исследована.

Я бы вспомнил здесь недавнее интересное исследование профессора факультета психологии МГУ Вероники Валерьевны Нурковой. Она смогла экспериментально смоделировать очень интересный феномен в нашем восприятии времени, который, я думаю, все вы знаете. Это феномен, когда в условиях опасности, угрозы для жизни, время для человека субъективно становится гораздо более растянутым, и за короткие интервалы времени в момент происшествия человеку кажется, что перед ним проходит вся жизнь.

Нуркова смогла впервые смоделировать этот эффект не в стрессовой ситуации опасности для жизни, а предъявляя людям компрессированные записи рассказанных ими же ключевых эпизодов их прошлой биографии. Оказалось, что такое массивное напоминание человеку субъективно

важных для него ключевых событий его прошлой жизни приводит к возникновению этого загадочного феномена — мгновенного жизненного обзора.

Есть ещё большое количество тайн, вещей которые мы не понимаем в отношении мозга и времени...

А. Н. Привалов

Спасибо, Константин Владимирович. Сейчас в соответствии с предварительными нашими намётками мы начнём обсуждать первые два доклада, связанные, так или иначе, с европоцентричным взглядом на суть происходящего. И я должен процитировать покойного Бетховена. Незадолго до смерти — тогда он сам себя считал стариком, все окружающие его считали стариком, ему было лет 55, наверное, — он был у кого-то в гостях, увидел на рояле своё давнее сочинение (если я правильно помню, вариации на тему вальса Диабелли), полистал и воскликнул: «Возможно ли, что я был такой умный!».

Вот возможно ли, что мы с Наталией Михайловной [Румянцевой, исполнительным директором НК] и с Андреем Николаевичем [Балдиным], сочиняя тему для сегодняшнего заседания, были такие умные, — я просто поверить не могу: те два сообщения, ну три сообщения, которые мы сегодня уже слышали, дают простор для более чем разных высказываний и обсуждений. Потому — кто хотел бы начать?

Владимир Владимирович [Бортко, режиссёр, депутат Госдумы РФ], Вы?

В. В. Бортко

Я не новый член в обществе, но обычно, когда я здесь бывал, я вносил некий диссонанс, который позволял потом беседовать и интересно обмениваться впечатлениями, поскольку мои мысли чрезвычайно просты, их легко опровергнуть. Я человек очень простой, я кинорежиссёр — чего уж дальше проще-то бывает? Для начала — о дельта t. Это вот что: почему ребёнок воспринимает отрезок времени гораздо больше, чем взрослый человек? Потому что он соотносит это со своей жизнью. Представьте себе, человеку пять лет, для него каждый месяц значим. Он соотносит со всей жизнью, всегда соотносит!

К. В. Анохин

Да, я про это сказал.

В. В. Бортко

Человек — всегда со своей жизнью, больше ни с чем, ему не с чем больше сравнивать. И это колоссальный отрезок в его человеческой жизни! Почему

В. В. Бортко

нам лето казалось безумно длинным, когда мы были маленькими, и сейчас — таким коротким? Так потому что по сравнению со всей жизнью. Как просто все! Как и просто все вообще, о чём мы говорим. Очень интересно. «Есть упоение в бою/ И бездны мрачной на краю...».

А я про себя вспомнил: председатель начал говорить об интереснейших вещах — 14-й год, безумно как интересно⁵! И дальше — существует ли связь — там 14-й год, здесь 14-й год? И мне кажется, что гораздо интереснее, чем думать — может быть, я ошибаюсь, естественно, я просто вызываю огонь на себя, — говорить о простых совершенно вещах.

Кстати, замечательная история «когда я был маленьким». В семь лет я проснулся как-то раз и вдруг подумал: а почему я проснулся, почему это не продолжающийся сон? Это к Вам [А. Привалову]: солипсизм чистой воды. Почему это? Иногда мне до сих пор кажется, что всё, что меня окружает — это только моё

⁵Этой теме было посвящено заседание Никитского клуба «Канун 14-го», 24 декабря 2013 г.

впечатление о жизни, не более того, ибо мне дано это в ощущениях, и это мои ощущения. Всё остальное — сон, выдумка и ерунда. И то, что я сейчас говорю, наверное, позволяет мне это сказать. Но потом я стал марксистом и понял, что...

А. Н. Привалов

Но это же Вам тоже только кажется.

В. В. Бортко

Может быть, может быть. Я сейчас хочу подойти к этому. Но многое меня убеждает в этом, в том числе и 14-й год. И 14-й год — тоже! Как часто повторяются одни и те же вещи, почему они повторяются — тоже интересно. История России — это постоянное повторение, постоянное повторение.

Ну, например, Пётр I: время сдвинулось вперёд, он окружён замечательными своими соратниками, которых сам вырастил, которые делают то, что он хотел бы сделать. И потом он умирает, а соратники остаются, они умеют делать, но не знают что, и начинают грызть друг друга. Одним из самых ярких был Меньшиков, пожалуй, самый последовательный его ученик.

Вспомним дальше. Прошло, так сказать, уж не так много времени. Иосиф Виссарионович Сталин вырастил вокруг себя достаточно много людей, которые умели делать, да ещё как! И он умирает. Они остаются сами. Что они начинают делать? Грызть себя. Кончается Никитой Сергеевичем, вот он в конце концов остался один. Похоже? Безумно! Один в один!

Или ещё одна параллель — царь Николай II, отречение от всего: я пошёл погулять, ребята, я пошутил, вы там воюйте дальше как хотите. Война идёт, а я, мол, отрекаюсь. Что, большевики его заставили это сделать? Да никогда в жизни! Он сам, сам! Вспомним дальше — возвращение из Фороса некоего человека: так, вы знаете, ребята, это..., а я, мол, пошёл со своей замечательной женой куда-то в сторону.

И там и там всё кончилось неприятнейшими событиями. Повторяется одна и та же история. Но почему она повторяется, мистика здесь есть какая-то? Да никакой! Да элементарно! Да потому что основание государства не поменялось, каким оно было, таким и осталось. Это основание может быть только монархией, и ничем другим, или жёстко управляемой системой. Если это основание разрушается — получаются такие вот вещи.

И никакой мистики здесь нет. Солипсизма нет, а есть простая, элементарная вещь: если капиталист видит 300% прибыли — нет такого преступления, на которое бы он не пошёл. Карл Маркс. Посмотрите в окно, вы видите это. Нет мистики, есть абсолютные законы истории, и не более того.

Я солипсист — это, конечно, замечательно, но при всем при том я вижу, марксисты правы. Я член партии [компартии] именно поэтому — потому

что есть абсолютно простые, элементарные законы, которыми управляется наша жизнь. Конечно, мозг воспринимает, как Вы сказали, двухсотую какую-то часть — конечно, да. Поверьте мне, на нашу жизнь с вами это влияет, но немного. А влияют простые вещи. Если капиталист видит 300% прибыли, то нет такого преступления, на которое он бы не пошёл — вот в этом всё дело, простая, элементарная вещь. Отсюда и время, которое нас окружает.

Что будет дальше, после нынешнего 14-го года? Да примерно то же самое, если не поменяют основное устройство государства. Только и всего. Вот и всё, что я хотел сказать, вызвав на себя соответствующую сейчас реакцию. И наша беседа, я думаю, будет острее немножко.

А. Н. Привалов

Да какая же реакция? Тут все — солипсисты, всем всё нравится. У вас солипсизм марксистский, а у нас... Но мне, например, чрезвычайно понравилось — я в своём солипсизме дальше это буду использовать, — что специалисты сомневаются, кто кому принадлежит — я мозгу или мозг мне? Это важно. Я постараюсь это обдумать и сделать из этого соответствующие выводы, не знаю ещё какие.

Профессор Тамбовцев [Виталий Леонидович, профессор экономического факультета МГУ им М.В. Ломоносова], прошу Вас.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо. Я, собственно, хотел сначала задать два вопроса, один — на понимание, а другой — предполагающий ответ «да/нет», чтобы потом в кулуарах обсудить. На понимание. Упоминался дофамин — правильно ли я помню, что он действует в механизме вознаграждения? Можно ли сказать, что вся эта конструкция восприятия времени как-то связана с обучением и в конечном счёте с выживанием?

К. В. Анохин

Ну, тут две вещи есть.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо. А отсюда второй вопрос, предполагающий короткий ответ «да/нет». Есть ли исследования, в которых восприятие времени рассматривается с точки зрения эволюционных преимуществ, то есть выживания?

К. В. Анохин

Да, есть.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо.

К.В. Анохин

На первый — тоже да.

В.Л. Тамбовцев

Спасибо. Теперь несколько комментариев относительно соотношения человека и животных, прежде всего. Ещё, по-моему, в 1960-е годы были работы, которые показывали, что дельфины прекрасно все прогнозируют: ставили опыты, где они продолжали траекторию, по которой за щитом двигалась пища, и если они угадывали, где она появится, то получали её. Опять же были исследования, по-моему, уже в 1990-е годы по поводу возможности воспроизведения в памяти животных прошлого опыта, что было связано с представлениями о культуре у животных.

От Скиннера [Беррес Фредерик (1904–1990), американский психолог, изобретатель и писатель], насколько я помню, идёт представление о том, что человек — не животное, и наоборот, поскольку человек может себя поместить в прошлое, а животное не может. Представление о том, что у животных есть культура — это как раз оттуда, потому что и у них, и у людей возможен такой перенос, то есть распространение опыта, приобретённого в одних условиях, на совсем другие ситуации.

Вот эти свойства, сближающие человека и животного, мне представляются очень важными по той простой причине, что с людьми-то экспериментировать нехорошо. А с животными мы себе это позволяем, но, экспериментируя, всё более и более убеждаемся в том, что мы с ними во многом едины. Очень важно в этой связи, раз есть такая близость, то и восприятие времени, и повторяемость, и вот это воспроизведение в памяти, и погружение себя в будущее, то есть воображение, — всё очень сильно связано с тем, как мы описываем (неизвестным нам образом) то, что мы воспринимаем, то есть формируем некоторые репрезентации, на основе которых возникают понятия, и так далее. Соответственно, вероятно, и о животных можно говорить, что у них есть какие-то прото-понятия.

У коллеги звучала тема, связанная с повторяемостью. Я студентам давно привожу пример следующего содержания. Вот мы подбрасываем игральную кость — каково разнообразие этой простой системы? Стандартный ответ, понятно, — шесть. «Неправильный ответ», — говорил я. Почему? Разнообразие равно шести, если мы умеем считать, а если мы не умеем считать, то разнообразие равно единице: кубик всегда падает. Тут, конечно, смелые студенты начинали возражать: как так, а вдруг на ребро встанет? Ну, это,

В.Л. Тамбовцев

конечно, шутка. Однако в зависимости от того, как мы описываем воспринимаемые события, с какой степенью абстрактности, — мы можем как замечать повторяемость, так и не замечать.

На высоком уровне общности всё повторяется — мы всё описываем очень общими категориями. Как только начинаем лезть в детали — ну какая тут повторяемость? Всё оказывается совсем разным. Вот если на эти детали не обращать внимания, то можно стать марксистом, который считает, что... (*Смех в зале*) что если, — как там уже цитата звучала? — если капиталист видит 1000% прибыли, он готов на всё. В качестве примера. Билл Гейтс и ещё целая группа миллиардеров, как известно, завещали все свои состояния на благотворительность, а почему-то не начали приобретать средства убийства других людей, чтобы повысить свои доходы. Вот что значит степень общности описания.

А в завершение — маленький народный пример критерия объективности, такая мне очень нравящаяся история. Сидит на заборе воробей, и глазки то закроет, то откроет. А внизу сидит кот. Воробей думает: «Какая

интересная штука: открою глаза — кот есть, закрою глаза — кота нет. Значит, кот от меня зависит». Ну, и пока он экспериментировал, кот, понятно, прыгнул и слопал смелого экспериментатора. Эта история оптимистична?

А. Н. Привалов

Профессор, зачем Вы вывели нас из радужного сна? Мне продолжает нравиться идея солипсизма, потому что я не вижу других вариантов добычи оптимистических выводов из того, что сегодня здесь звучит. А Ваша полемика с марксистским соседом всё-таки настораживает. Но видите ли, какое дело — Вы же не противоречите Владимиру Владимировичу [Бортко]. Билл Гейтс не знает, и не он один, никто в мире сейчас не знает способа вложить такие деньжищи с трехсотпроцентной прибылью, такой прибыли нет. Вот поэтому тут как-то непротиворечие. Но, с другой стороны, Владимир Владимирович хорош! Ну что, ну хорошо, всё объяснять 300%? Вообще всё, и грехопадение праотца нашего Адама тоже?

Профессор Соколов [Александр Сергеевич, ректор Московской консерватории], пожалуйста.

А. С. Соколов

Я вижу, что проблематика буквально в каждом повороте этой беседы затрагивает сферу искусства. Потому что всё, о чём здесь говорилось, нередко преподносится через призму искусств — не с целью разъяснения, а, может быть, с целью озадачить любого реципиента, и примеров масса.

Александр Николаевич [Привалов] привёл суждение Бетховена. Есть два достаточно известных письма. Одно письмо — самого Бетховена к его коллеге Друэ [Луи Друэ (1792–1873), флейтист, композитор]. Не берусь воспроизвести точно, но я достаточно близко цитирую Бетховена, он писал следующее: «Я подумал, не сошёл ли я с ума, вмещая в одно произведение столько, сколько стоило разместить в двадцати!». Речь идёт о спрессованности, то есть речь идёт именно об этом темпоритме, который в искусстве всегда очень важен. И существует масса искусствоведческих эссе, связанных и с проблемой времени у Хемингуэя и т.д., это всё известно. Что касается музыки, то если взять одну Венскую школу и просто посмотреть, сколько «информации», так сказать, в главной партии сонатной формы у Гайдна, у Моцарта и у Бетховена, то прогрессия совершенно ошеломительная. То, что Гайдн делал на протяжении всей партии, Моцарт уже делает на протяжении её половины, а Бетховен — вообще на одной фразе. Вот это — та самая концентрация, которая и есть переживание времени.

Это очень актуально для музыканта–исполнителя, потому что, когда он выходит на сцену и, преодолевая волнение, садится за инструмент, — он что

А. С. Соколов

делает? Он настраивается. А на какое время? Он настраивается не на первую фразу и не на извлечение первого звука, а он каким-то образом настраивается на *всё* сочинение. И тут можно вспомнить часто цитируемое апокрифическое письмо Моцарта. В этом тексте — откровение гениального композитора, объясняющее удивительное для нас отсутствие черновиков в его архивах. Моцарт записывал свои произведения сразу начисто, целиком. Замысел вынашивался в его голове, и последняя стадия сочинения пьесы становилась письменной фиксацией уже полностью оформленной идеи. Моцарт так пишет об этом: «Я обнимаю её в духе единым взором, словно прекрасную картину или красивого человека, и слышу её в воображении вовсе не последовательно, как она будет потом исполняться, но как бы всё сразу. И это настоящий пир. Всё изобретение и изготовление совершается во мне только как в ясном сновидении, — однако слышание всего сразу всё же самое наилучшее».

И вот это примерно то, о чём я только что сказал: когда исполнитель садится за инструмент, он должен войти в это самое симультанное время

музыкального произведения. Это тот феномен, который очень часто обсуждается, но не с научных позиций, а метафорических, что, может быть, даже более близко к пониманию сути.

Я сейчас говорю о временных искусствах, и действительно тут написано очень много умных книг. Только что, например, вышла в русском переводе книга известного специалиста по театру Лемана [Ханс-Тис, нем. театровед], называется она «Постдраматический театр»⁶ — книга о том, что происходит сегодня не только на Западе, но у нас также. Это всё игра со временем. Это всё как раз те факторы, которые выводят человека из его бытового представления о жизни и погружают туда, где он вполне может потерять некоторую ментальную ориентацию. Практически это своего рода программирование, такое нейролингвистическое программирование личности.

Во временных искусствах-то понятно, но иногда это ставится во главу угла и там, где, казалось бы, для этого нет места приложения. Допустим, в изобразительном искусстве. Я помню, ещё в юности на меня произвела большое впечатление картина, которая демонстрировалась на выставке наших авангардистов. Была такая площадка — Малая Грузинская, 28, где постоянно выставлялись «шестидесятники» и более поздние художники. И там я увидел картину, которую именно сейчас случайно вспомнил, она называлась «Эскалатор».

Это как бы фотография эскалатора в метро, вид снизу. Удивительно то, что эта картина *двигалась*, то есть на самом деле было ощущение, что эскалатор идёт на разных скоростях. И начинаешь выяснять, в чём дело, откуда берётся ощущение, что здесь несколько времён, причём времён не дискретных. А объяснение тому находится простое: «Эскалатор» — это не что иное, как шкала человеческой жизни. Ты видишь, как на самом верху медленно заходит на ступеньки молодая пара, беременную женщину бережно поддерживает под руку её супруг. А далее, сверху вниз — все возрастные градации, темп жизни возрастает, и уже в самом низу стремительно несущийся «эскалатор» вот-вот сбросит с себя в ужасе вцепившихся друг в друга стариков... Время на наших глазах прессуется, становясь катастрофически убыстрённым.

Я начал с того, что многое, о чём сегодня говорили коллеги, мне очень близко и интересно. Что-то хотелось бы дополнить, а с чем-то и поспорить. Допустим, спорно, на мой взгляд, утверждение, что человек априори мыслит прошлым и будущим, проскакивая настоящее. Ну, смотря какая цивилизация и какая культура имеется в виду. Потому что, скажем, аборигены острова

⁶ Леман Х.-Т. Постдраматический театр. М.: ABC design, 2013.

А. Зинштейн. «Метро. Эскалатор». 1985 г.

Бали вообще не имеют в языке ни прошедшего, ни будущего времени, у них только настоящее время. И это тоже, так сказать, гомо сапиенс, только в другой культурной среде.

Или — что такое для француза *fin du siècle*, вот этот самый «конец века»? Это как раз тот самый исторический момент, когда спрессовывается время, когда ощущение кризиса позволяет, так сказать, мыслить в определённых категориях. Почему мы говорим, допустим, «эпоха модерна» и «Серебряный век»? Они сколько длились? Пятнадцать лет. А почему тогда «эпоха», а почему «век»? А потому что как раз в это время происходит именно та концентрация всяких символов, смысла и, главное, непонятности в ожиданиях того, что придёт следом.

Мне кажется, что поиски в сфере искусства вряд ли приблизят нас к формализации некоторого вывода, но они, может быть, чисто интуитивно подведут к тому, что, собственно, и есть пафос данной проблемы.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, чрезвычайно интересно, почему сейчас искусство не сыграет такую же роль, которую благополучно сыграло сто лет назад.

Следующий выступающий Михаил Иванович [Москвин-Тарханов, депутат Мосгордумы]? Прошу Вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Да, уважаемые друзья, я бы сначала хотел нашему председателю попытаться навеять сон золотой, как говорил поэт. Давайте представим себе, что год 14-й, но 1814-й. Наши гвардейцы пьют шампанское на Монмартре и на Елисейских полях: корсиканское чудовище сослано на остров и пусть на острове сидит. Дамы покупают себе чепчики — встречать героев. Торгует Сухаревка всем, что удалось вытащить из дворцов и отнять у французов, или просто украсть. Прелесть! Чудесное время!

Почему мы через 1914 идём, почему мы не хотим вспомнить 1814? Прелестный сон! (**Реплика:** А можно 1614?) А вот это вот давайте не будем. Да, вот это вот не надо, там очень было голодно, как-то неуютно.

А вот что теперь мне хотелось сказать по сути того, что было сформулировано уважаемыми докладчиками. Вопрос: а мозг, он объективно отражает мир? Ну, если подходить с позиций предельной простоты, здесь уже был лозунг: «Давайте просто смотреть на мир». Можно просто посмотреть на кошку, как она охотится за мышкой.

Кошка никогда бы не поймала мышь, если бы её мозг плохо работал. Она не только знает, куда мышка побежит, она даже вроде бы на неё не смотрит, когда с ней играет. Если когда-нибудь человечество изобретёт компьютер, способный воспроизводить работу мозга кошки, который бы сумел управлять, скажем, какими-то военными системами, то страна, которая это делает, будет победителем в гонке вооружений. Так что удивительные способности мозга кошки величиной с лесной орех отчётливо видны.

А вот человек — да, человек способен заблуждаться. Здесь очень правильно ставили вопрос: сознание и мозг — это одно и то же? Да нет, конечно. Конечно, нельзя сказать, что мозг, сознание — это какой-то гомункулус, который сидит в шишковидной железе и, так сказать, изучает с помощью ресурсов мозга окружающее пространство. Но какое-то сходство с подводной лодкой есть: она плывёт в темноте, радары работают, информация обрабатывается, нашему сознанию уже преподносится обработанная её системами информация в доступном для нашего сознания виде.

Если мы поссорились со своим мозгом — срабатывает система «защиты от дурака», и нам кое-что перестают показывать. Если мы грубо вмешиваемся в работу своего мозга — мозг переходит в автоматический режим, не подчиняется командам, наступает невроз. А если мозг сломался, то он нам показывает всё на свете, часто удивительное, и мы боеем шизофренией. Это — сломанный мозг. Сознание наше работает, но оно заключено

М. И. Москвин-Тарханов

в клетку, оно видит совсем не то, что должно видеть, — вот это беда. Или сознание просто изолируется, теряет ресурсы мозга, и мы впадаем в деменцию. Это, собственно говоря, очень интересная тема — сознание и мозг.

И я думаю, что здесь как раз наша современная наука, которая пытается создать информационные программы, информационные системы, современных роботов, — она как раз опирается не на то, как работает мозг, а на то, как работает сознание в своей рациональной составляющей. Поэтому все эти машины с тактовой частотой в мегагерцы, с невероятными масштабами памяти и всего прочего не способны сделать тысячной доли того, что может сделать мозг кошки — кошки! — величиной с лесной орех. Потому что мы изучаем сознание, а не изучаем мозг. Мы не знаем, как работает эта система обработки информации, принятия решений на бессознательном уровне и приведения в действие мышц. Мы знаем какие-то примитивные вещи — ганглии, зрительная, теменная область, ещё что-то на уровне блоков и отделов. А дальше одни только предположения, грубые исследования. И самая, как бы сказать, прогрессивная сегодня методика — это МРТ: работает ли

какой-то отдел мозга более интенсивно в случае того, этого или этого? Но это, примерно, как попытка исследовать микромир с помощью, ну, не знаю, лорнета. Вот лорнет у нас есть, ну и такая же разрешающая способность.

И что бы я ещё хотел сказать, что пессимизм — ну а что пессимизм? Пессимизм в нашем разговоре только один: пессимистическая нотка — это то, что действительно мир для каждого из нас сжимается, мы становимся старше, и чем мы становимся старше, тем больше пессимизма. Но, господа, мы знаем точно одно: мы все умрём, и это внушает оптимизм.

А. Н. Привалов

Спасибо, Михаил Иванович. Была такая великая песня, к сожалению, я слышал её только один раз, будучи глубоко пьяным, и совершенно не помню её запевов. Но прекрасно запомнил припев, поскольку он повторялся несколько раз. И припев был простой: «Мы все умрём, и всех нас похоронят. Не надо плакать, всё будет хорошо».

М. И. Москвин-Тарханов

Вот, вот, вот!

А. Н. Привалов

Татьяна Владимировна, Вам рассказали про вашу науку, всё теперь знаете.

Т. В. Черниговская

Можно я одну вещь только отмечу?

А. Н. Привалов

Конечно, конечно.

Т. В. Черниговская

Не знаю, согласится Константин Владимирович или нет, но я сказала бы так: если мозг кошки удастся превратить во что-то там техническое — это будет невероятным прорывом. Но я сейчас не об этом.

Мне кажется, что наши знания о мозге несопоставимо больше, чем наши знания о сознании. Потому что даже ответ на вопрос, что такое сознание, ставит в полнейший тупик всех. Скажем, хотя мы и общаемся чуть ли не каждый день, у нас на эту тему очень разные точки зрения. Потому что — ну просто чтобы понять спектр — сознание может быть как бы в противоположность нахождению в коме или в анестезии — это одна история. Сознание как осознание — другая история. Ну, и список можно продолжить. То есть здесь нет даже договорённостей о том, что такое сознание.

Я говорю студентам, если бы пришла фея и сказала: «Я хочу тебе помочь. Скажи, что я должна такое показать в томографе, чтобы ты была довольна тем, что мы показали тебе сознание?». Вот именно на этот вопрос ответить и нельзя. Я всегда откручусь, сказав, а это была память, а это было внимание, а это были эмоции, а это был там рефлекс на что-то. Что считать-то этим? Мы про это не знаем ничего, и поэтому мы не можем сказать. Когда, условно говоря, кошка, то есть то, что она прогнозирует, очень умно себя ведёт, — это всё понятно. Но что она себе там рефлексировать, как она себя там размещает — вот про это у нас нет никаких сведений.

М. И. Москвин-Тарханов

А, может, нам старика Иммануила Канта спросить?

Т. В. Черниговская

Так на него одна надежда, да!

А. Н. Привалов

Не спросишь. Как известно, Кант помер.

Кто у нас? Господин Пилипец, прошу Вас.

О. В. Пилипец

Пилипец Олег Владимирович, советник президента компании «Транснефть».

Я хотел бы вам рассказать очень коротко об одном случае, который произошёл со мной на трассе строительства трубопровода, когда я попал в очень сложные условия, и что в этих условиях проявилось. Это было несколько лет назад, я возвращался с группой моих коллег на вертолёте Ми-8 с границы с Китаем вдоль трассы трубы в Тынду. Подлетая к Тынде, вертолёт вошёл в расщелину гор, и в это время раздался удар по вертолёту: места глухие, летел орёл, и он считал, что это место его, а тут прилетела какая-то птица, и он эту, значит, птицу долбанул. В результате двигатель у вертолёта заглох. И вот вы представляете, мы зависли! Зависли, и настала тишина. А в кабине сидят двенадцать человек. Полная тишина. Я стою с краю. И дальше я расскажу вам, что я чувствовал. Очень медленно потекло время. Я смотрю в иллюминатор: отвесная скала, на ней растут отдельные деревья, и видно, что мы сейчас упадём, покажемся — всё это проносится в голове, понимаете. Я успел рассмотреть весь склон скалы, я видел отдельные сосенки. А всего-то было — мгновение, но всё, что я успел увидеть, говорило о продолжительном времени.

О. В. Пилипец

Потом — изумительный пилот, он быстро запустил двигатель, и мы спокойно полетели дальше. После этого произошло ещё и другое. Мы прилетели в Тынду, сели на самолёт Ан-12, прилетели в Иркутск, и нужно было заночевать, чтобы утром улететь в Москву. Я пытаюсь уснуть — не могу, хотя был совершенно спокоен. И вдруг — я никогда не писал стихи, никогда! — из меня полилась поэзия. Вы знаете, поэмы пошли, вы можете смеяться. Я читал целые поэмы — и как мы по трассе летели, и как орёл летел. Думаю, Боже мой, погибает такой талант! Звоню супруге — разница во времени — говорю: «Слушай», — и начинаю ей читать стихи. (**Смех в зале.**) Я читал несколько часов и думал, Боже ты мой, я теперь знаю, чем я буду заниматься на пенсии. И что Вы думаете, утром проснулся — я ничего не помню! До сих пор.

М. И. Москвин-Тарханов

Это был не орёл, это был *Кто-то* другой.

О. В. Пилипец

Но что самое интересное, это было накануне моего дня рождения. День рождения у меня был на следующий день, то есть это был как какой-то подарок, кто-то взял и сделал мне подарок: вот радуйся жизни.

М. И. Москвин-Тарханов

У орла ведь, судя по всему, тоже сместилось время-то?

О. В. Пилипец

Орёл очень большой был, потом, когда мы прилетели, вытаскивали его останки из двигателя.

А. Н. Привалов

Чёрт, я надеялся, что он останется жив. Но последнее замечание насчёт того, что это было накануне дня рождения, возвращает нас к теме календаря.

О. В. Пилипец

Именно это я хотел сказать.

А. Н. Привалов

Сейчас у нас осталось двое записавшихся выступающих, после их выступления мы дадим слово следующему нашему докладчику, а потом продолжим обсуждение.

А. Н. Привалов

Итак, Юрий Дмитриевич Нечипоренко [писатель, учёный], прошу Вас.

Ю. Д. Нечипоренко

На биологическом факультете Московского университета есть постоянно действующий семинар, который так и называется: «Время». Как-то жаль, что здесь нет представителей этого семинара, потому что они много лет занимаются феноменом времени, исследуя его с разных сторон.

Мне кажется невероятно важным то, о чём рассказывал Андрей Балдин, и именно с точки зрения практического применения. Ведь мы живём в стране, в которой изначально была сельскохозяйственная экономика, то есть у нас работают циклы — когда сеять, пахать и пр. Я работаю в детской литературе — это и книги, фестивали, встречи с читателями, а потом мы собираем урожай мысли, и опять пишем книги. По принципу такого большого цикла мы что-то делаем осенью, что-то делаем весной. Например, осенью — книжный фестиваль, весной — неделя детской книги.

Ю. Д. Нечипоренко

Кажется, что сейчас-то у нас экономика в значительной степени добывающая: она борется с этим циклом. Добываем, так сказать, неважно, в какое время — зимой или летом. Но оказалось, что крупнейшие мировые инвесторы принимают решения два раза в году — то есть след этого цикла существует — после зимних и после летних каникул. Они должны очень хорошо отдохнуть. Им готовят все бумаги относительно того, какое решение принять, куда инвестировать деньги. И они вкладывают средства, понимаете, два раза в году.

Мне кажется, что если мы сможем подобным образом вкладывать наши интеллектуальные ресурсы в какие-то определённые проекты два раза в году, понимая изначальную цикличность, то нас ожидает успех, — это важно для практического применения этого феномена времени. Ведь принцип огромных языческих колёс, о которых говорил Андрей, он же из нашей, так сказать, производящей экономики, из того, когда мы сеём, жнём и собираем зерно.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Но для того, чтобы включились такие аргументы для восстановления национального календаря, страна должна начать хоть что-то производить. А она как-то вроде пока не собирается, и в 14-м году точно не соберётся. Нам, собственно, правительство об этом доложило достаточно внятно.

Из зала

Александр Николаевич, тут ещё похожий цикл — это принятие бюджета и поправок к бюджету. Это примерно то же самое, только без производства.

А. Н. Привалов

Боюсь, что от сегодняшнего бюджета уже ничего не зависит.

Следующий выступающий — Андрей Александрович Чернихов, прошу.

А. А. Чернихов

О марксизме. Мне было пять лет, дело было на даче в Болшево, у родственников. Старшие девочки готовились к экзаменам в школе и зубрили теорию Дарвина. Сцена следующая: школьницы зубрят за столом, повторяют, каждая задает вопросы другой. После войны еще были вопросы и ответы в учебниках, и можно было при подготовке тренироваться. В разгар зубрежки я вылез из-под дивана, где играл со своими игрушками, с паутиной на ухе, выпрямился и сказал: «Я не знаю, как вы, но мы с мамой от обезьяны не происходим», и убрался под диван.

У кого-то из ленинградских искусствоведов был описан почти научный эксперимент на дому о музыке и времени, который был поставлен то ли до войны, то ли после, не суть важно. Собиралась интеллигентная ленинградская публика, слушали классическую музыку на виниловых, как положено было тогда, пластинках. Эксперимент, естественно, был подготовлен. Ставится ария в исполнении баса Василия Петрова, по окончании у присутствующих спрашивают, сколько времени длилась ария? Как помню, реальное время звучания составляло 4 минуты 12 секунд. И все практически безошибочно назвали эти 4 минуты или около того. Потом, через чайную паузу, та же ария, но уже в исполнении Федора Шаляпина. И ни один человек не смог угадать точное время. При этом время называлось в полтора-два, а то и в три раза большее, чем это было на самом деле.

У Бродского есть максималистское выражение, афоризм, как часто было у него, что «единственным и истинным доказательством наличия Бога является то, что никому не дано знать дату своего ухода». Мне кажется куда более глубокой мысль, что «единственным доказательством Бога является наличие в мире

А. А. Черников

искусства». Потому что в высоком искусстве мы действительно теряем ощущение времени абсолютно. У Джона Кейджа⁷, как помните, 4 минуты 33 секунды абсолютной тишины. Огромный зал, а на Кейджа по 5 тысяч человек приходило, молчал и слушал тишину, слушал себя и свое собственное воображение.

Это, скорее, из расклада дзен-буддистских историй.

В «Доме на набережной» Юрий Трифонов цитирует Талмуд: «Время проходит? Время стоит — проходите вы».

Я происхожу из семьи архитектора Якова Черникова, который был отмечен в истории культуры как советский Пиранези, как совершенно

⁷ Джон Милтон Кейдж (1912–1992) — американский композитор, философ, поэт, музыковед, художник. «При упоминании имени Джона Кейджа большинство вспомнит его пьесу «4'33» — «4 минуты 33 секунды тишины», в течение которых сам зритель с помощью случайных звуков окружающего мира создает звуковую палитру произведения. Подобно Малевичу, Кейдж очертил пространство черным квадратом «4'33», пытаясь выразить безграничность звука и навсегда остаться в истории современного искусства автором доселе неслышимого, автором того, что в обычном мире принято называть тишиной, молчанием». www.artelectronics.ru/sound/sound/577

уникальный фантаст архитектуры, который днем в своей студии рисовал архитектуру будущего, а вечером, ночью — архитектурные сказки. Потому что будущее можно описать, будущее можно предсказать, его можно увидеть, и наконец, можно представить. Будущее можно и нужно проектировать...

А вот «фантазии» зодчих древних, давно ушедших эпох, если это не театральные декорации, — особый, загадочный, мало познаваемый мир. Сегодня те образы, которые рисовал Яков Чернихов, наполнили мир реальной архитектуры.

Но самое интересное не в этом, 20–30-е годы — это вообще эпоха людей из будущего. Как у Мусоргского: «Вы из каких будете? — Мы из будущих!»

От чего он отталкивался? Наверное, от информации, которую получал в пространстве общечеловеческой памяти. Где он родился? В сельскохозяйственном районе Украины, городе Павлоград, который торговал зерном с Лондоном, затем Одесса — художественное училище, Петроград — Академия художеств, Первая мировая война, революция... Мне думается, одно из самых интересных занятий сегодня — это исследование фантазии человеческой. И я хочу завершить одной замечательной цитатой, что «истинно человек живет, когда он фантазирует». И творческий процесс в любой области влечет за собой «уход от действительности». Недаром влюбленные теряют полностью чувство времени, поскольку пребывают в пространстве воображения, даже если принять, что у любви на 99,9 сексуальное основание.

И все мировое искусство обязано практически двум вещам: фантазиям любви и размышлениям о смерти. Что и есть время.

А. Н. Привалов

Спасибо. Возвращаясь к теме «Календари и время», мы сейчас послушаем третье из запланированных на сегодня основных сообщений. Бронислав Брониславович Виногородский расскажет нам о традиционном китайском календаре и о времени как осязаемой реальности. Прошу Вас.

Б. Б. Виногородский

Китай — цивилизация, которая, как сказал когда-то Хозе Аргуэльес о майя, «calendar obsessed», одержимые календарём. Я всё время рассказываю, как можно было бы воспитать настоящего китаеведа, чтобы вообще понимать что-то о Китае. Он обязательно должен иметь точные знания, как устроена традиционная китайская медицина, ибо любой китаец до настоящего времени *так* воспринимает своё здоровье и болезнь, своё развитие, созревание, старение, умирание. Так каждый китаец понимает, собственно, качество своего существования внутри тела.

Календарь — следующий по значимости для китайцев. Календарь можно назвать центром китайского способа восприятия мира, китайского способа описания мира.

Дальше идёт наука о сознании, технология работы с календарём, которая называется в китайской традиции «Книга Перемен», затем идут более известные в мире китайские мудрецы — это и Лао-цзы, это и Конфуций, и Сунь-Цзы. Их много разных, и все они пользовались традиционной китайской медициной, календарём, «Книгой Перемен» как чем-то совершенно неотъемлемым.

Нужно понимать, что традиционная китайская медицина тоже является календарной медициной, медициной времени. Она описывает время, как сознания, представленные в теле, и в данном случае я обозначу сознание понятием «дух», который обладает веществом, качеством и силой. Одновременно он подразделяется в теле на ощущение и дыхание. И ощущение представлено веществом, качеством и силой.

Вещество ощущения — это тело. И есть дыхание, и дыхание это, собственно говоря, тоже вещество, качество и сила, и в этом месте как раз находится понятие души.

Вещество, качество и сила дыхания — это всегда вещество, качество и сила дыхания времени. Надо понимать, что в традиционной китайской медицине как бы основным ноу-хау, отличающим её от других медциин, является некое описание тела как взаимодействие двенадцати систем, двенадцати каналов — меридианов, по которым течёт эта самая мистическая загадочная энергия *ци*, что я и перевожу как слоган «вещество, качество и сила дыхания». Вещество, качество и сила дыхания, которое состоит из вдохов и выдохов.

А дальше — в китайской традиции существует календарь, который описывает качество кругов времени, проходящих по циклам движения внешнего и внутреннего миров для человека, представленным внутренним миром его ощущения и переживания, и внешним миром, который он воспринимает внутри себя. В китайской традиции время описывается не как прошлое и будущее, а как приходящее и уходящее — почувствуйте разницу. Собственно говоря, всё зависит от того, насколько ты способен развить свою способность вглядываться, видеть, тонко воспринимать, далеко воспринимать. В даосской традиции одной из целей даосизма является достижение *чан шэн ту сы*, по-китайски это называется «долгой жизни без смерти», то есть физического бессмертия. Есть ещё такое понятие «*чан шэн цзю ши*», то есть «долго жить и долго видеть».

Собственно говоря, вот это «видеть долго» и «видеть длительно» — способность, которую можно развить. В традиционной китайской медицине сила дыхания движется по каналам меридианов. Существует такой

древнекитайский «Трактат Жёлтого Императора о внутреннем», который до настоящего времени является основным трактатом, на основании которого китайский традиционный врач учится лечить болезни. В трактате описывается время и длина прохождения вот этой самой силы дыхания, или вещества дыхания, по каналам меридианов, на которых расположено 365 точек.

Я говорю сейчас не об абстрактных вещах, а о конкретных технологиях, которыми пользуется любой врач в традиционной китайской медицине. Имеется в виду, что каждый из каналов меридианов во время каждого вдоха и выдоха, эта самая сила дыхания, имеет измерение — длину: в китайских традиционных единицах 3 цуня на вдохе и 3 цуня на выдохе, и потом высчитывается длина. Время пересчитывается в единицы измерения длины: сколько всего этих единиц проходит сила дыхания (время вдохов и выдохов) в человеке за сутки. Надо сказать, что параллельно этому рассчитывается эта самая сила дыхания и в течение года, и в течение 60 лет, потому что понятие «век» в китайской традиции достаточно позднее.

Проблема китайской традиционной модели восприятия мира состоит в том, что китайский язык защищён от заимствования слов, от чего (например, от заимствования иноязычных корней) не защищён русский язык. Китайский язык иероглифичен, но именно поэтому он как раз уязвим в заимствовании понятий, которые, может быть, ещё более важны, чем просто слова. Понятия формируют способ проведения времени через себя, и понятию «век» — *ши цзи* — было приписано понятие «сто лет», так же как понятию «слинять» могут быть в разное время приписаны разные значения. (Это ссылка на выступление первого докладчика, который говорит о различии значения слова «слинять» у Толстого и в современном восприятии.)

В китайской традиции существует самый большой цикл, который приводится в первом историографическом, серьёзном историческом трактате, написанном Сыма Цянь [потомственный историограф династии Хань, писатель, астроном] во II веке до нашей эры. Величина этого большого цикла составляет 26 миллионов 690 тысяч и 40 лет. И внутри этого самого большого цикла человечество на настоящий момент по китайским традиционным технологиям подсчётов прожило 10 миллионов 155 тысяч 930 лет. Это совершенно точное число. Этот цикл не единственный, он просто самый большой для восприятия. Здесь находится точка пересечения с понятиями квантовой механики и квантовой физики. Потому как великое равно малому. Самое большое равно самому малому — всё зависит от того, в каких единицах ты воспринимаешь себя, в каких единицах ты описываешь себя.

Я вспоминаю случай. Лет 15–20 назад меня пригласили в одно почтённое собрание и спросили, если бы у меня были возможности, что бы

Б. Б. Виноградекий

я сделал в нашей стране, чтобы поменять ситуацию к лучшему? Не задумываясь ни одной секунды, я сказал, что создал бы осмысленную систему праздников, — и это тоже единица управление миром. Более того, я считаю, что это вообще единственный способ что-либо поменять. Поменять систему праздников, но создать её, сотворить и направить на это все силы, которые соединяет искусство и наука. Это то единение, которое потерялось где-то там, с развитием цивилизации, и которое совершенно не обязательно, кстати говоря, развивается, а может, и свивается, — по этому поводу есть разные точки зрения.

Ощутимая реальность китайского календаря доходит до момента описания каждого дня, который тоже является ощутимым. Календарные единицы и календарные точки представляет собой связи, которые ещё называются, — это тоже такая понятийная китайская технология, которая не очень привычна, наверное, для современного западного типа мышления и которая разным образом на нас на всех сильно влияет, — это понятие так называемых «восьми врат». Понятие, соединяющее, по сути дела, ориентацию в пространстве, соединяющее момент времени и точку состояния. Это как

разные врата открываются в разном направлении и в разное время, и в зависимости от этого совершаемое действие будет удачным или неудачным, принесёт ожидаемые плоды, принесёт пользу или нет.

Я хочу сказать, всё это, принадлежащее китайской традиции, сейчас уже почти не существует, потерялось. Серьёзнейший удар китайскому сознанию нанесла марксистская философия, и боюсь, что результат может быть необратимым. Я предполагаю, что у нас в России есть возможность использовать эти китайские календарные технологии, с помощью когнитивных наук соединить их с понятиями квантовой механики и квантовой физики и затеять что-то по-настоящему серьёзное и осмысленное.

С моей точки зрения, никаких серьёзных проектов, меняющих действительно формат существования человечества, после христианского и после кибернетического, более близкого к нам, не было. Кибернетический проект поменял представление о том, как мы вообще воспринимаем время в пространстве и, следовательно, информацию и сознание. Кибернетический проект хорош, но он как раз не учитывал время как ощутимую реальность, которая в целостной системе описания сохранилась только в китайской цивилизационной парадигме, которая в свою очередь единственная не дала никакой мировой религии, никакого мирового учения. Китайскую «Книгу перемен», в общем, не понятно, к чему отнести. Религия она, не религия — вообще не понятно, что это за жанр. В отличие от Вед и от Торы, которые разлились в огромное количество сект, создавая какие-то разные способы осмысления мира. Вот, собственно, всё, что я хотел сказать.

Л.А. Юзefович, *писатель, сценарист, историк*

Можно вопрос? Вы говорите, что нужно создать систему праздников. Можно ли создать искусственную систему национальных праздников? Вот сейчас, мне кажется, в России это пытаются сделать. Не уверен, что эта система долго проживёт, но вот как это можно сделать?

Б.Б. Виногородский

Никто совершенно не пытается создать никакой системы. Совершенно бессистемно тыкают в разные точки, потому что отсутствует какое-либо представление о том, что такое время и как оно устроено. Оно не принимается во внимание, и все эти создаваемые мертворождённые образования не работают в сознании. Потому что сознание — это определённый тип среды, которая, с моей точки зрения, присуща отнюдь не одному человеку — только целостным системам, здесь я абсолютно согласен с Грегори Бейтсоном, одним из создателей кибернетики наряду с Норбертом Винером. И если ты запускаешь какие-то вещи во время, не понимая как,

Л. А. Юзефович

если не учитываешь, как целостно, системно оно устроено,— конечно, это не работает. С моей точки зрения, осознание того, как работает сознание и какова среда сознания, влияет на то, как это сознание будет жить во времени.

А. Н. Привалов

Леонид Абрамович, безусловно, прав, потому что действительно создать систему праздников отдельно нельзя. Она возникает и работает, становится органичной для какого-то народа или тем паче для многих народов, только когда она часть некоего большого целого. Ну кто может подумать, что Госдума вам придумает систему праздников! Её нельзя придумать, она должна родиться.

Мне очень понравилось. Ищем оптимизм — вот оптимизм: наш докладчик счёл, что марксизм ударил по России меньше, чем по Китаю. Китай уже не совладевает с восстановлением, а мы ещё можем. Это замечательно. Спасибо.

Л. А. Юзефович

Ещё одну секундочку. Я просто хотел сказать, что создать можно. Запутать — вот в чём сложность. Сложность — в запуске.

А. С. Соколов

Если можно, вопрос такой очень банальный. Календари, о которых Вы говорили, действительно малоизвестны, но любой огородник знает китайский лунный календарь, и он как раз олицетворяет некоторую связь наблюдаемых циклических процессов на земле, что, в общем, достаточно объяснимо на уровне бытовой астрономии. Календарь, о котором Вы говорите, находится в некоторой особой логике или это та же самая часть мировоззрения, но просто в более таком приземлённом (прикладном) значении?

Б. Б. Виноградский

Они, несомненно, коррелируют. Самый высший уровень календарей, которые одновременно представляют собой сложные прогностические системы, включает до шести слоёв. Может быть, встречали такое изображение модной штучки, которая называется «*ло пань*», что означает сетевые кольца. Это инструмент мастера геомантических наук, он появился ещё в древности и имеет до 36 колец, это все календарные кольца.

Система календарей действительно сложна. Я вспоминаю Аргуэльеса, который ввёл очень интересный термин «календарная математика» — это то, чего и нет ещё, а очень хотелось, чтобы появились.

А. Н. Привалов

Замечательно! Ещё вопрос, прошу.

А. В. Захаров, вице-президент ИК «Еврофинанс»

Вопрос непосвящённого и опоздавшего одновременно.

А. Н. Привалов

Опоздание не является поводом к задаванию вопросов.

А. В. Захаров

Вопрос непосвящённого. Насколько человечество, с того момента как оно начало размышлять, причём публично размышлять, продвинулось в понимании, что есть феномен времени? Как исходное можно вспомнить знаменитое размышление о времени Святого Августина, которое стало хрестоматийным: пока его не спрашивают о том, что такое время,

А. В. Захаров

ему кажется, что он знает ответ. Спустя века Шпенглер, в общем, пришёл почти к такому же выводу, — что время есть слово, обозначающее нечто непонятное.

Но на этом длительном интеллектуальном пути есть ещё один человек, которого сегодня всё-таки вспомнили. Он вообще говорил о том, что пространство и время — это категории, которые как бы вшиты в чистый разум, чтобы он мог неким чудесным образом исследовать окружающий его мир. А в мире предметов понятия «время» и «пространство» не существуют. И вообще всякий уважающий себя мыслитель, наверное, хотя бы раз в жизни высказывался по поводу пространства и времени. Недаром существуют не только семинары, но тысячи исследований и просто разных соображений на этот счёт. Кстати, Эйнштейн мог бы не одобрить тему нашей дискуссии. Например, он считал, что нормальный взрослый человек никогда не размышляет о проблемах в пространстве и времени, чего нельзя сказать о нём самом, наверное.

А. Н. Привалов

Всё, что говорил о нормальных людях Эйнштейн, не следует рассматривать.

А. В. Захаров

Я именно так и думаю. Процесс размышления о времени никто и ничто остановить не может, это понятно. Так всё-таки насколько человечество продвинулось в понимании феномена времени? Насколько мы к нему приблизились или, наоборот, отдаляемся, и что даёт это на разных этапах понимания?

Б. Б. Виноградский

Я ещё раз хочу остановиться на том, что уже сказал, — что китайская традиция не породила никакого мирового учения. И это традиция, которая породила цивилизацию, страну, которая в течение длительного времени было самым мощным государством мира. Но китайская цивилизация породила огромное количество мыслителей. Антология поэзии династии Тан, VI–IX века нашей эры, насчитывает такое количество имён, что просто страшно назвать цифру, а включали туда только выдающихся. Я хочу сказать, что это не просто размышление о времени, — размышлять можно о чём-то малопонятном, — но применение времени, именно применение времени. Опять же здесь был вопрос, можно ли знать срок своей смерти, своего ухода? Всё зависит от того, как и что ты умеешь.

Я перевёл с китайского огромное количество примеров прогноза. Китайская цивилизация была прогнозной цивилизацией, и знания о времени были не абстрактными. В какие-то периоды времени предсказывается конкретно смерть того или иного человека. Часто можно встретить прогнозы по поводу болезней. У меня скоро выйдет книжка с исследованиями «Книги перемен», где будут впервые, может быть, приведены такие серьёзные и большие примеры, с большими разборами существовавших исторических прогнозов.

Я хочу сказать, что человечество не продвинулось, а отдалилось и потеряло, потому что вот это самое development — то самое развитие, у разных слоёв разное, вызывает разные переживания и ассоциации, — оно деструктивно. Это самое развитие, скорее, ушло от каких-то вещей. Важно объединять исследования самых древних вещей и по-настоящему древних знаний. Я ещё раз подчёркиваю, что Китай в этом отношении представляет собой залежи каких-то невероятных потенциальных открытий. «Горнодобывающая промышленность» знаний туда ещё не добралась. Там можно черпать какие-то вещи, соединяя их с самыми продвинутыми

знаниями, связанными с квантовой механикой, с помощью семантики и семиотики, которые, с моей точки зрения и китайской, — всё равно календарные, они временные. Другое дело, что подавляющее большинство из нас потеряло чувство времени.

А. Н. Привалов

Бронислав Брониславович, я не имею морального права терять чувство времени.

Б. Б. Виноградский

Всё правильно.

А. Н. Привалов

Виктор Петрович Мазурик [филолог-японист, ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова], прошу!

В. П. Мазурик

Я хотел бы с востоковедной точки зрения пояснить то, о чём говорил Бронислав Брониславович.

Я согласен со многим, что здесь говорилось. Действительно, проблема времени это некоторая культурологическая константа, которую каждая эпоха и общество определяют несколько по-своему. Это одна из центральных, «нулевых» координат культуры. И правда, семинаров по проблемам времени очень много. Например, журнал «Новый Акрополь» лет десять проводил симпозиум по пространству и времени, в котором мне несколько раз приходилось участвовать. Это потрясающе интересно, потому что в этом междисциплинарном симпозиуме всегда принимали участие и физики и «лирики» — биологи, психологи, математики, филологи и т.д., и порой ставились интереснейшие вопросы — о феномене осевого времени и т.д.

Я согласен с вами в том смысле, что часто новое это хорошо забытое старое, и вот о чем напоминает нам старое. Психологические установки в отношении вещей, которые представляются нам неизменными, со временем кардинально обновляются. К примеру, в охотничьих мифах время устроено нелинейно и течёт с разной скоростью. Пространство охотничьего мифа — это некая траектория движения, без которого не мыслимо само развитие эпического сюжета. А время может сжиматься (в момент преследования дичи) или растягиваться (в период послетрапезного отдыха). Круговое, циклическое время начинается только в культуре земледельцев. Пространство же обретает категории центра — обработанного поля и периферии — поля дикого.

Более поздняя модель — время векторное, историческое. В японское сознание оно проникает вместе с китайской культурой, с идеологией буддизма и конфуцианства. Однако и сегодня в подсознании японцев, по утверждению психологов, не потеряла актуальности сельская, синтоистская модель времени, которая в средние века парадоксальным образом соприкасалась с буддийским представлением о квантово-сингулярном времени «вечного сейчас» — *нака-има*. Это экзистенциально переживаемое время характерно для раннедетской психологии или в состоянии война на поле брани.

В нише *токонома* во время чайного действия *тяною* висит «программный» свиток *какэдзюку*, определяющий состояние сознания присутствующих. Весьма часто надпись отражает подобное «точечное» восприятие времени: «В лесу нет календаря», «Каждая встреча единственна», «Снежинка в раскалённом докрасна очаге» и т.д. Иногда можно встретить и даосские представления об относительности времени: «В сосуде месяцы и дни долги» (когда-то японцам это напоминало притчу о перемещении даосских мудрецов в иной мир, сегодня же — скорее, космический корабль, приближающийся к скорости света). Уже в «Исторических анналах Японии» (720 г.) зафиксирована легенда о рыбаке Урасима, проведшем в царстве морского владыки три дня, тогда как на земле прошло три века.

В китайской традиции временной отрезок обозначался идеограммой «месяц, проглядывающий через створки ворот», а пространственный — с элементом «солнце» вместо месяца (間). У японцев же последний иероглиф соединил в себе значения и временной и пространственной дистанции. В средневековой японской культуре отчётливо присутствует тенденция перехода временных категорий в пространственные. Это можно было бы проиллюстрировать примерами из японской поэзии, музыки, живописи, архитектуры и т.д. Возможно, это одна из причин отсутствия в японской традиции классического эпоса — весьма необычное явление в истории мировой культуры.

Японцы гораздо позже европейских народов отказались от лунного календаря, гораздо менее удобного для летосчисления, чем солнечный, но более непосредственно связанного с реальными биологическими процессами, и к тому же продолжают мыслить не в категории веков, но периодов императорского правления, в каждом из которых культурное время имеет разную «плотность». Сейчас на японском календаре 26-й год правления под девизом «мирное становление» (*Хэйсэй*). Всё это косвенно доказывает, что в сознании японцев время не является абстрактной метрической категорией, но переживается как реальный процесс бытия, наподобие того как это было когда-то в античной Греции.

В. П. Мазурик

Современная же компьютерная «компрессия» культурного времени возрождает актуальность размышления над вечно неподвижной (в сознании) стрелой из третьей апории Зенона Элейского⁸. И хотя во времена Лейбница и Ньютона после разработки дифференциального исчисления, понятий предела, бесконечности (малой и большой) проблема, казалось бы, была преодолена в современной логике, — квантовая механика и другие направления в науке по-новому ставят вопросы дискретности и непрерывности, имеющие теоретические и практические ответы в культурах прошлого. И это следовало бы не забывать при анализе этих культур, а также при разработке новейших теорий.

Что же касается праздника как основы государственного возрождения, то, наверное, корректнее было бы употребить термин «ритуал» в конфуцианском смысле, то есть практически действенный механизм преобразования

⁸ Зенон Элейский (ок. 490–430 гг. до н.э.) — древнегреческий философ. *Апории* (тупики, трудности) Зенона — парадоксальные внешне рассуждения о движении и множестве.

хаоса в космос, поскольку античный китайский мудрец придавал ему глобальное значение в своей универсальной семиотике, самым ярким проявлением которой в китайской культуре является «Книга Перемен» (Ицзин). В этом смысле японцы ближе не к конфуцианской системности, а к даосской эмпирической диалектике, что видно и в их отношении ко времени.

А. Н. Привалов

Спасибо. Господин Сиднев [Виктор Владимирович, директор Троицкого наноцентра], прошу Вас.

В. В. Сиднев

Насколько понимаю, мы говорим сегодня о некоем антропологическом времени. О времени, которое связано с мозгом, ощущениями человека. Понятно, что есть объективное физическое время, как мне кажется, и оно измеримо. А есть ещё, я не знаю, как назвать, — историческое время, то есть время, связанное с историей не одного человека, а человечества.

Если антропологическое время измеряется количеством новых событий или изменений (у молодого человека, у ребёнка много новых событий, а у пожилого мало, поэтому время течёт по-разному), — я хотел бы обратить внимание на следующую вещь. Пару лет назад в Силиконовой Долине, я попал в компанию, которая называет себя «Университет сингулярности». Они пропагандируют одну простую идею, которая основана на кривой, не помню, как она называется, производительности компьютера стоимостью тысяча долларов. Развитие компьютерной техники в последние годы ложится на эту кривую, и эта кривая показывает, что к 2020 году производительность компьютеров стоимостью тысяча долларов будет равна примерно мощности человеческого мозга. А к 2030-му году производительность компьютера стоимостью тысяча долларов будет равна мощности мозга всего человечества. И они считают, что это принципиально поменяет всё. Мы живём в критической точке, в которой поменяется сам способ развития человечества.

Помните, ещё несколько лет назад мы все свято верили, что компьютер никогда не выиграет у человека в шахматы. Большинство людей считало, что, вообще, это искусство, а в искусстве компьютер никогда не превзойдёт человека. И мы были свидетелями, когда Каспаров выигрывал у компьютера, а сегодня уже никто не пытается играть с компьютером.

Эта история о том, как быстро будет всё меняться, и соответственно, как будет меняться, течь общечеловеческое время в условиях, когда наши возможности будут во много раз больше. Возможности каждого человека, усиленные компьютерными возможностями, будут во много раз больше возможностей мозга всего человечества в целом, а это произойдёт на нашей

В. В. Сиднев

памяти. И вот эти ребята в Университете сингулярности как раз и пытаются обсуждать, а как же это будет выглядеть. Ну, например, если вспомнить Циолковского, который был последователем Федорова, — Циолковский вообще считал, что всё развитие человечества приведёт к тому, что человечество превратится в свет, и начнёт путешествовать по Вселенной в виде света. Вот, может быть, мы до этого и доживём.

А. Н. Привалов

Ну, это уже почти Мария Дэви Христос.

В. В. Сиднев

Это Циолковский.

А. Н. Привалов

Так Циолковский недалеко ушёл. Если я правильно понимаю то, что вы сейчас слышали, сильно поколеблет ваши научные основания. Вы же

не знаете, что такое мозг, а вам уже говорят, что мозг всего человечества превзойдут, и вам будет проще. Нет, на самом деле это было бы идеально. Я согласен с вами. Мы действительно обсуждаем с разных сторон, в разных выражениях именно человеческий аспект, и понятие и приложимость этого понятия к разным аспектам нашей жизни, всё так. Вы, в сущности, сказали, что через некоторое время человеческий аспект будет неинтересен, потому что будет интересен аспект компьютерный. Компьютер станет умнее всего человечества, вместе взятого, и пусть он рассуждает о времени. В каком-то смысле это выход из положения. Человек будет жить, как сейчас живут кошки. Только кошки живут при нас, а мы будем жить при компьютере. В общем, это хорошо, это даже симпатично. Я совершенно ничего против не имею. Хорошее слово «сингулярность», мне нравится.

А. Д. Воскресенский, *декан факультета политологии МГИМО, китаевед*

Три очень короткие рефлексии по поводу выступлений и в частности по поводу последнего. Действительно есть такой прогноз, что к 2030-му году мозг каждого человека может быть уложен в этот созданный к тому времени компьютер. Это к вопросу о Боге и о техническом бессмертии и о времени. По одному из таких прогнозов будет возможно для человека техническое бессмертие, и тогда замечание о том, что есть Бог, и что есть доказательство Бога, предстаёт в несколько другой плоскости.

И ещё две короткие рефлексии по поводу марксизма как способа уничтожения традиционного времени, возможности его восстановления после этого или нет. Китайцы пытаются, надо сказать, частично восстановить то что возможно в соответствии с современными представлениями, из традиционных знаний о цивилизации, различных её сегментов. И здесь возникает вопрос. Допустим, мы не можем этого сделать, потому что русский мир фактически перестал существовать в том виде, каком он был до 1917 года. Эта часть России как бы растворилась, фактически растворилась в другом мире, куда ушла эмиграция, и, наверное, это невозможно воспроизвести там в цельном виде.

Но у китайцев этого не было, потому что часть Китая откочевала на Тайвань, где благополучно живёт до сегодняшнего времени. Двадцать лет назад на Тайване достаточно современное общество отлично сосуществовало с какими-то традиционными представлениями. Но вот эти двадцать лет прошли, и сегодня этого почти нет даже на Тайване. Отсюда возникает вопрос, насколько возможно полностью воспроизвести эти традиционные представления через тот сегмент времени, который прожит человеком, человечеством, и возможно, его уже назад-то вернуть просто нельзя.

А. Д. Воскресенский

В качестве примера я хотел бы привести фильм, который в прокате назывался «Великий мастер», режиссёра Ван Цзя Вей, известного у нас по имени Вонг Кар-Вай. А если посмотреть китайское название этого фильма, то он в действительности называется «Yi dai zong shi» — «Великие мастера одного поколения». Китайское название кардинальным образом меняет восприятие, в частности, и традиционной цивилизации. Очень интересно посмотреть фильм именно с этой точки зрения. Там показаны отрезки традиционного времени, встроенные во вполне линейную картину, связанную с поколенческими переживаниями, которые вернуть назад, в общем, невозможно.

И последняя рефлексия по поводу нашего восприятия и как бы манипулирования временем. Ну, вот новая хронология есть яркий пример манипулирования временем, и не только. Приведу такой пример и поставлю знак вопроса. Это к вопросу — с чего мы начали — о праздниках, возможности их придумывания, запуска, воспроизведения и цементирования общества или повышения его целостности на основе вот такого рода системы.

Скажем, наши зимние каникулы ведь частично были введены с опорой на эту китайскую идею — празднование китайского нового года и необходимости для народа вернуться к предкам, зажечь благовония, поставить таблички. Ну, и материальная сторона, связанная с передвижениями, потреблением и т.д. Дума это сделала. В этом году мы видим очень интересную, другую абсолютно манипуляцию именно на той же основе. Изъять часть из этих каникул, передвинуть их к майским праздникам, потому что раньше на майские праздники можно было поехать на дачу и что-то там посадить. А аргументы, которые были приведены буквально пять-шесть лет назад, сегодня вроде бы уже и не нужны. То же самое с переносом времени, часовыми поясами и т.д. Поэтому я склоняюсь к тому, что искусственно придуманная модель может решать какие-то вещи. Потом, через какой-то сегмент времени, она благополучно может быть отыграна назад либо переосмыслена, если не будет укоренена в какие-то новые или существующие представления людей о тех или иных событиях, которые действительно значительны с точки зрения преемственности истории, что ли.

В. П. Мазурик

Можно одну короткую реплику по этому поводу? Это коротенькая фраза, чтобы разъяснить по поводу праздников. Как японовед я понимаю, о чём идёт речь. С точки зрения Конфуция тут надо сказать, может быть, не «праздник», а «ритуал». Дело в том, что, с точки зрения Конфуция, ритуал — это не абстрактно-условное действие, а практически действенный механизм преобразования хаоса в космос.

Я знаю два способа замедления времени без всякого страха смерти и без необычайных случаев и т.д. В Японии это чайное действие, я испытал сам. В России — это литургия, замедление времени, если не полная его остановка, когда можно сказать «остановись, мгновение, ты прекрасно», то реальное, почти физиологическое ощущение замедления времени. Это работает. С точки зрения Конфуция, если правильно выстроены ритуалы, то всё остальное вокруг них выстраивается — и политика, и культура, и т.д.

А. Н. Привалов

Спасибо. Профессор Миркин [Яков Моисеевич, ИМЭМО], прошу Вас.

Я. М. Миркин

Вопрос о времени, это вопрос моей профессии, потому что я во многом занимаюсь прогнозом. Я, скорее, думаю о времени, как о времени выживания, и могу сформулировать проблему времени вообще без термина

Я. М. Миркин

«время» — могу ли я понять или предусмотреть или спрогнозировать причинно-следственную связь в пределах потенциально-возможного моего бытия или бытия моих потомков.

Но на этом основано, наверное, всё, потому что каждый из нас занимается одновременно ещё тем, что управляет своими рисками и пытается спрогнозировать эту причинно-следственную связь, ежесекундную, ежеминутную. Мы едим, мы пьём, потому что мы прогнозируем, что если мы не будем это делать, то потенциально возможное бытие может завершиться. Но я это могу делать не только в отношении моего «Я». В силу моей профессии я могу пытаться это делать в отношении очень сложных систем, например, экономики в целом или общества. Эта точка — продолжение тех вопросов, тех проблем, которые поднимались уважаемым ведущим в самом начале.

Опыт показывает, что да, действительно это возможно, поскольку очень многие обладают способностью прогнозировать причинно-следственные связи, предполагать причинно-следственные связи, и в правильном

направлении — в подтверждение этому много фактов в отношении сложнейших социально-экономических систем. Можно прогнозировать кризисы, можно прогнозировать революции. Я приведу только один факт, если, конечно, его считать фактом: эмиграция крупных групп людей, перемещение активов для выживания перед кризисами, войнами и пр. Известно, что перед Октябрьской революцией, вообще перед подобными потрясениями, происходило перемещение людей и их имущества из России. Эти волны эмиграции существуют. Перемещение народов из России. Деофшоризация и офшоризация. Происходящее сегодня перемещение людей, их имущества, их семей, их будущих потомков из России. Всё это проявление очень яркой способности прогнозировать — осознанной или неосознанной, здесь можно спорить. Но прогнозировать причинно-следственные связи, конфликты, очень высокие риски в пределах своего собственного потенциально-возможного бытия или в пределах бытия своих потомков, основываясь на опыте, закономерностях и факты в прошлом. В этом смысле для меня ключевое во времени — как я его переживаю, чтобы что-то делать для себя лично и для своей аудитории.

А. Н. Привалов

Спасибо. Чрезвычайно радостный какой-то взгляд на вещи. Для Вас несчастье начало XX века — это свидетельство того, что можно было прогнозировать, для меня — очевидное свидетельство, что это прогнозировать было нельзя. Тут ведь есть ещё одна знаменитая история. Почему все верят, что дельфины подталкивают утопающих к берегу. Потому что те, кого они подталкивают от берега, об этом не рассказывают. Именно так же можно говорить о том, что кто-то что-то угадал. Всё человечество не знало, что случится в августе 14-го. Вот не знало, и всё! Ни осознанно, ни неосознанно. Врубилась на полном ходу лбом в стенку.

Господа, у нас есть ещё «художественный антракт»: «вещественные доказательства времени». Прошу, Маргарита Михайловна Хемлин.

М. М. Хемлин, писатель, лауреат литературных премий

Я пишу книги. Но с ещё большим удовольствием я занимаюсь собиранием, выклянчиванием и, самое главное, использованием вещей из прошлого времени. Я не говорю — «из тех времён», потому что я совершенно уверена, как всякая двоечница, твёрдо, что время — одно, оно не дискретно, если я правильно употребляю это слово. Оно непрерывно. Время — это движение, постоянное движение перетекающих друг в друга сюжетов. Сюжеты, которые сами воспроизводят предыдущий сюжет, но уже на каком-то новом уровне, подправляя его, а иногда уродуя, но это всё равно уже новый сюжет.

В моих книгах действие происходит всегда в одном и том же месте, в широком смысле слова. Черниговщина, Остёр, Киев и Москва. С 1930-х до наших дней.

А начнём мы издалека, казалось бы.

В 1913 году Россия готовилась отпраздновать 300-летие Дома Романовых. Появились духи «Любимый букет императрицы», составленные парфюмером Мишелем. (Не Брокером, как часто говорят, Брокер — владелец фабрики, где работал молодой парфюмер, француз Альфонс Мишель.) Ароматы, а точнее, эссенции, которые входили в состав духов: роза, жасмин и гвоздика. Запах этих духов заполнил, как всякая новомодная субстанция, почти до ужаса, всю Россию, всю империю. Конечно же, и Украину, Малороссию, как тогда говорили.

Собственно, духи эти выпустили не только из любви к императрице, но и из любви к народу. Недаром же Николай всё время повторял: «Как они меня любят, как они меня любят» — красиво коленапоклонённый народ.

«Любимым букетом императрицы» торговали в двух расфасовках, как сейчас бы сказали. Семирублевый хрустальный флакон в сафьяновой коробочке, с маленькой салфеточкой, вышитой вручную. Салфеточка батистовая, и на ней вышита корзинка с цветами — роза, жасмин, гвоздика. И флакончик из стекла — за 70 копеек. Без коробочки и без салфеточки.

Сохранились воспоминания о том, как великая княгиня Елизавета Федоровна Романова (в то время, в 1913, — настоятельница Марфо-Мариинской обители на Ордынке), пришла к своей сестре императрице Александре Федоровне. Спорили они об очень серьёзных вещах. Как всегда, вышла ссора... Серьёзных вещей касаться не буду. А скажу, между прочим, что встреча произошла в будуаре, в Лиловом будуаре императрицы, любимом. Он весь сочился «Любимым букетом императрицы». Елизавета Федоровна, в тот приход много в чем упрекавшая сестру, как будто ни с того, ни с сего упрекнула её — зачем такие духи существуют в двух разных видах: для народа и для аристократок... Запах, который витал в будуаре императрицы, был таким же, какой пробивался сквозь чад кухни где-нибудь на окраине России. Дурной тон! НЕПРИЛИЧИЕ!

Отправимся из будуара императрицы — на кухню или куда-нибудь ещё, в прачечную или к белошвейкам.

Украинские девушки любого сословия крайне склонны к цегольству и кокетству, я точно это знаю... И вот девушки, которые находились в услужении в богатых домах в Киеве, Полтаве, Одессе, в сказочной цветной Украине, конечно, не могли несправедливость эту — без коробочки и, главное, без вышитой салфеточки! — не попытаться исправить.

Есть такая украинская пословица «Українська дівчина народжується з голкою в руці», то есть украинская девушка рождается с иголкой в руке. У неё должна была быть скрыня (особый вид сундука, но это совсем не то, что русский сундук). В скрыне должно было быть не менее ста вышитых вещей, среди которых я покажу, что, и вы поймёте... Не вышишь — не выйдешь замуж, *життя нэма*.

И девушки стали вышивать салфеточки, как у *багатых*. Но народный *розум* — он чем хорош, то есть чем он особенно хорош? Он практичен. И, значит, фитюлька на батисте, вышитая шёлком, которая жива-то до первой стирки, не нужна. Хотя кто будет стирать салфеточку из коробочки духов?.. А вот полотенечко — 50 на 60 сантиметров, а рушник — метров 5 в длину и 70 сантиметров в ширину — уже дело другое. Полотно домотканое, разумеется. Жениху можно предъявить и положить в скрыню.

Этот небольшой рушничок, почти салфеточка — примерно 1914 года, на нём ещё можно легко различить и корзинку, и цветы в ней — розу, жасмин, гвоздику. Сейчас я пушу по кругу, можно пощупать. Начнём с небольшого, так сказать, изделия. А уж потом я покажу нечто огромное — вторым номером программы.

Посмотрите, здесь ещё можно узнать гвоздику, жасмин и розу. Интеллигентная такая вазочка, и сохранился традиционный украинский узор — по двум концам соловьи и калина.

Но! Время идёт, народный гений не дремлет. Постепенно узор из царской духовитой коробочки перекочевал на рушники — настоящие. Вот, посмотрите, какой огромный!

Что такое рушник? На рушнике стояли молодожёны. На рушниках спускали в яму гроб, или по-украински — *домовину*. Рушник украшал хату, зеркало, если оно было, конечно. Но чаще всего рушник обрамлял окна, иконы, и, в особо просвещённых семьях, — портрет Тараса Григорьевича Шевченко в смушковой папахе.

И вот девушки думали о том, что *трэба ж шось покласты у скрыню*. А надо заметить, рушники измерялись даже не длиной, а весом. Это рушник лёгкий. Ну, настоящее домотканое полотно, конечно... Это не обсуждается. Он весит килограмма три — всего лишь. У меня есть рушники по шесть-семь килограммов... Но этот хорошо ляжет на стол.

Очень важно, узнаете ли вы по этому рушнику, как преобразуется сюжет и искажается время. Что скажете? **Вопрос:** «Вазочка такая же. А цветы?» Именно! Цветочки разрослись до аспидных размеров... Из нежного-нежного, маленького рисунка вот как разросся адский сад.

Это один из многих-многих-многих вариантов вышивки, вытеснивших практически традиционную вышивку. По этой вышивке специалисты теперь очень легко датируют изделие: после 1914 года.

М. М. Хемлин показывает рушники

Можете представить себе, где эти рушники потом побывали... Судьба украинских рушников — это и голодомор, и война Вторая мировая...

К слову... Из моей очень дальней родни во время войны спасли троих — тогда они были детьми. Их прятали на хуторе, на печи, завешивали рушниками, чтобы полицаи не увидели.

Чудом выживают люди. И чудом же выживают вещи.

Уцелели и эти духи. Брокар умер в 1916 году, не дожив до революции.

А Альфонс Мишель стал директором фабрики Брокара, которую переименовал, очень удачно — «Новая Заря». И духи он переименовал, придумал название, очень своевременное — «Красная Москва». Наверняка, наверняка у ваших мам были такие. Уж у бабушек-то — точно! Они существуют до сегодняшнего дня, хотя давным-давно перестали быть модными. Культурно-исторический анахронизм. Один из...

Посмотрите на флакончик! Традиционно советский флакончик. Но были и 1960-е, и самое начало 1970-х. Звёздный час советского дизайна... Вот — упаковочная коробочка «Красной Москвы» того времени. Памятник эпохи, а не коробочка для духов... Нюхайте, поливайтесь...

И под конец... Сегодня очень важный для меня день. Я хочу вам это сказать.

Я уже говорила, что родилась в Чернигове. Ну, где Чернигов, где Москва — всем понятно. Особенно ГДЕ — в начале 1970-х...

Каждое воскресенье, днём, я, двоєчница, садилась к телевизору и смотрела передачу «Очевидное — невероятное». Я не понимала из умственности ничего, естественно. Но я смотрела, я смотрела, и я понимала вот что: мысль существует, и если я чего-то не понимаю, возможно, я и не смогу понять; но это не отменяет существование мысли, которая существует. И я попадала в этот спасительный круг и, может быть, счастье моё и спасение было в том, что я не могла разделить этот круг на какие-то части. Я понимала, что нахожусь в центре бесконечности, недоступной мне. Я не заключена туда, я просто там пребываю...

А в это время мой папа, прораб, спал-дремал на диване, с упавшей на живот газетой. Когда я включала телевизор, и Сергей Петрович произносил с буквально поразительной интонацией: «Добрый день!», папа просыпался и спрашивал: *«Шо он говорит?»* А я отвечала: «Папа, спи!» И он засыпал, и газета даже не сдвигалась с места... А через час, когда заканчивалось всё очевидное и всё невероятное (в пределах одного-единственного дня), папа, проснувшийся уже окончательно, перед перемещением на кухню спрашивал — не меня, а скорее пространство: *«Ну, дак шо там академик?»* И так было каждый раз, каждый раз...

В прошлом году я была в Лондоне и, конечно, отправилась на то, что у нас называется блошиным рынком. Наверное, по-английски это называется иначе... Но какая разница?.. И купила этот портфель у какого-то дядечки невероятного. Хотя случилось это в Лондоне, я назвала его «оксфордский портфель». Просто потому, что это место, которое известно всем по названию. А потом совершенно случайно познакомились с Наталией Румянцевой, и она пригласила меня выступить в этом Клубе. И это за день до дня рождения Сергея Петровича. И я поняла, почему портфель — оксфордский. Вот поэтому.

А сегодня я полезла в Интернет и обнаружила ещё одну удивительную вещь. Складывается она вот из чего. Сергей Петрович Капица, «академик», родился в 1928 году, 14 февраля. Мой отец, Михаил Соломонович Хемлин, прораб, родился 13 января 1928 года. То есть разница между ними — месяц. И это громадная, страшная и прекрасная тема существования времени и существования во времени. Когда в одно и то же время раскрыты разные окошки, в которых происходят совершенно разные и совершенно несовместимые, казалось бы, вещи для одного времени. Но это тема другого рассказа.

Вам спасибо большое. Я счастлива, что сегодня состоялась премьера «оксфордского портфеля». Спасибо!

А. Н. Привалов

Спасибо, Маргарита Михайловна!

Господа докладчики, ваши короткие ответные реплики. Прошу, Андрей Николаевич!

А. Н. Балдин

Теперь, после выступления Маргариты Михайловны [Хемлин], мне легко уложить свои первые впечатления, — хотя, конечно, мы услышали массу интересного, я лично буду переваривать всё это не одну неделю. Но эти прекрасные вещи, которые сейчас перед нами проплыли, подсказали простую мысль. Я, естественно, опять буду говорить о Толстом.

Эти вышитые рушники и платки напомнили о его «женских» метафорах времени, о его сакральном вышивании и вязании (текста). Женщины — в лучшей своей ипостаси — представлялись Толстому греческими Парками, богинями судьбы. Они в его глазах как будто прядут ткань времени. Не просто продолжают род, но и в более высоком смысле: ткут время. В «Войне и мире» множество прямых и косвенных намёков на это. Роман начинается с шума разговоров на вечере Анны Шерер, который Толстой сразу же сравнивает с шумом прядильных машин. И это не просто шум, но связывание будущих сюжетов, знакомств, свадеб и прочего «вязального» материала жизни. Так начинается «вязание» романа и его ткани времени. И заканчивается роман замечательным фокусом, когда Анна Макаровна, служанка Ростовых, вяжет в Отрадном носки имениннику, и в конце — раз, два, три, — вытягивает из одного носка другой. Второй носок она связала незаметно внутри первого.

Так Толстой в эпилоге намекает на второе дно, второй смысл своего романа. И вдобавок обещает продолжение: будет ещё роман, ещё «носок» текста. Это многозначительный композиционный фокус: ткань времени не рвётся с окончанием романа. И между его прядильным началом и вязальным концом есть много ещё такого женского-вязального, соединяющего времена. Толстой доверяет эту сложную работу женщинам. И, честно говоря, на фоне наших тревожных рассуждений я бы тоже им это доверил...

Т.В Черниговская

Нет, ни в коем случае!

А. Н. Балдин

Хорошо, но верить-то я могу? В вязание времени — как в миф.

Т. В. Черниговская

Это — пожалуйста.

А. Н. Балдин

Вот я и верю. Верю, что будущее не в разрывах и распадах, а в соединении и связывании. Вот такой простой вывод. А то сложное, о чём говорили коллеги, я буду долго связывать и ткать в голове отдельно. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Татьяна Владимировна, прошу!

Т. В. Черниговская

Мой комментарий и некие заключительные слова.

Во-первых, пока я всё это слушала, я подумала, что если давать советы Думе, то я бы не давала советы Думе работать с календарями, потому что у неё всё равно ничего не выйдет. Зато я бы вспомнила, если не ошибаюсь, по крайней мере, в какие-то периоды китайской истории были такие правила для людей, претендующих на чиновничье место. Они должны были сдать два экзамена: один по стихосложению, а второй по каллиграфии. Я думаю, что если бы оная Дума пошла на такой путь, то, возможно, преодоление хаоса космосом у нас бы шло более успешно. Это первое.

Второе. Мы сегодня хоть и накануне, но празднуем день рождения Сергея Петровича Капицы, и я бы вот как завершила свою часть выступления. Когда эта машина в Оксфорде задала Сергею Петровичу вопрос «Should you bother?», я думаю, что небеса, когда создавали такого замечательного человека, как Сергей Петрович, имели в виду, что это как раз будет та личность, которая ответит: «I should». Потому что он был, — ну, не в этой аудитории говорить, потому что все это знают, — он был человеком чрезвычайного мужества, как личности, так и по ментальности. Он совершенно не боялся входить ни в какие области, соединять вещи, которые сейчас нам кажутся уже привычными: что наука и искусство совсем не такие далеко расположенные друг от друга вещи, что если говорить о времени, то музыка — это, по-моему, просто сплошное время.

Я в связи с этим вспомнила, как недавно была в Осло на балете, поставленном гениальным балетмейстером Иржи Килианом [чешский танцовщик и хореограф Jiří Kylián, художественный руководитель Nederlands Dans Theater]. И когда я смотрела на то, что происходило на сцене, я думала, ничего себе до чего дошёл антропогенез! Как это люди вообще могут такое делать? Килиан заставляет своих замечательных, с потрясающей техникой

актёров не только каким-то образом сопротивляться земному тяготению, но и времени. Вот я смотрела и думала, ну как это они так зависают в воздухе? Они как бы останавливают то, что вообще остановить невозможно.

Мы, конечно, помним замечательную передачу «Очевидное — невероятное» среди множества других, в которой Сергей Петрович беседовал с Плисецкой. Он очень хорошо понимал, что искусство и наука это не какие-то там совсем параллельные линии, а это вообще всё одно и то же. Это просто разные инструменты, разные способы как-то в этом мире сориентироваться. И искусство в этом смысле — великий экспериментатор, гораздо больший экспериментатор, чем наука, потому что в искусстве шире возможности для эксперимента.

Завершая, скажу, что одна из самых больших для меня удач — это то, что получилось пересечься в этом мире с Сергеем Петровичем. Просто благодарю небеса за это.

А. Н. Привалов

Спасибо, Татьяна Владимировна. Константин Владимирович, прошу Вас.

К. В. Анохин

Я не знаю, что можно добавить после всех уже сказанных замечательных слов, — Татьяна Владимировна говорила о Сергее Петровиче. Я тоже его вспомнил в связи с темой сегодняшнего обсуждения. В его глобальной теории роста человечества есть этот удивительный феномен, связанный со временем. Потрясающая гигантская компрессия шкалы исторического времени, в десятки тысяч раз! Его идея была в том, что в системе развития человечества это происходит потому, что в отличие от мирового, ньютоновского времени, то есть внешнего календарного времени, эта система имеет своё внутреннее время, которое течёт в этой системе равномерно. Это такое системное бергсоново время, по его определению. Но оно при этом описывается логарифмической зависимостью, и поэтому извне мы видим гигантское ускорение темпов, а на самом деле внутри себя, в своём собственном историческом времени, система развивается равномерно.

Но вот что я не понимал, и мы с Сергеем Петровичем много раз возвращались к этому. Его идея заключалась в том, что эта гигантская компрессия времени в росте человечества является производной от изменений антропологического времени. Он считал, что это ускорение является следствием процессов, связанных с человеческим сознанием и человеческой культурой. Притом что биологически человек за всё это время практически не изменился. Значит, сознание должно производить нечто в виде культуры,

которая приводит к этой тысячекратной компрессии внешне наблюдаемого исторического времени.

Как это происходит, как это можно понять в простых формулах? Моим и его ощущением было то, что это должно описываться достаточно фундаментальными законами. Когда они будут поняты, их, возможно, будет легко описать, но сегодня это ещё составляет тайну.

Мне кажется очень важным, — возвращаясь к удивительной личности Сергея Петровича, — что он, выйдя из физики, увидел такие фундаментальные вещи в человеческой цивилизации, которые являются историческим открытием. И то, что было им констатировано — это фундаментальная закономерность. За ней стоит какая-то глубокая тайна, которую мы пока не понимаем.

А. Н. Привалов

Спасибо, Константин Владимирович. Бронислав Брониславович, прошу Вас.

Б. Б. Виноградский

Одно очень короткое замечание. На большинстве рушников, которые я видел, — календарные сюжеты. Это такая важная составляющая.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Бронислав Брониславович.

Буквально несколько слов о том, что мне — я думаю, всем нам — чрезвычайно понравилось, что сказали наши сегодняшние докладчики, и в своих заключительных словах в частности. Буквально несколько слов вот какого рода.

Разумеется, можно себе представить, что всё, что показало нам человечество, показало за время, когда человечество научилось делиться впечатлениями, и время нам показало, что всё это не имеет антропологического измерения. Наверное, это вообразить себе можно, но я не могу. То есть для меня более или менее очевидно, что это не совсем «кот Шрёдингера», просто тут наблюдаемое в известном смысле соразмерно наблюдателю, и никак иначе быть не может.

Вопрос — в каком смысле? Те циклы времени — какие-то все знают, какие-то знают учёные — они все разноразмерные, все немножко друг на друга наползают, друг другу отчасти и противореча — цикл дневной, цикл годовой, экономическо-технологические циклы, большие циклы Кондратьева, циклы исторические и т.д. Все эти циклы разноразмерны, все разнообъясняемые, все, наверное, имеют общим знаменателем

человеческий разум. Но вот, чтобы закончить, с чего начал, и тем выполнил частично свою задачу,— есть такое ощущение, что какие-то очень разнородные циклы одновременно сейчас поворачиваются к нам замками. Вот как великий Парад Планет, когда все планеты выстраиваются на одной линии от Солнца,— что-то такое происходит и сейчас. Это ощущение, это не может быть доказано и не может быть, я надеюсь, опровергнуто.

Михаил Иванович [Москвин-Тарханов] справедливо указал, что не надо путать собственное увядание с увяданием человечества. Это абсолютная правда, это максима одного из моих любимейших писателей, господина Томаса Манна. Он в письмах не раз и не два вежливо, деликатно напоминает собеседнику, что необязательно страна кончается, необязательно мир кончается, может быть, кончаемся всего лишь мы. Это же гораздо веселее. Спасибо!

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Календари и время». Выпуск 66 — М., 2014. — 72 с.

14 февраля — день рождения С.П. Капицы, основателя Никитского клуба. В клубе сложилась традиция отмечать этот день специальными заседаниями. «Специальные» отличалось от других заседаний тем, что в процессе обсуждения выступления участников сопровождалось теплыми словами пожеланий Сергею Петровичу. Выбрать же тему обсуждения, интересовавшую С.П. Капицу, всегда было несложно, поскольку его интересовали темы разные. Но были и более близкие, время — одна из таких.

«Календари и время» — не первое подобное обсуждение в Никитском клубе, разговор о времени безмерен. В другом профессиональном составе возникают другие ракурсы; новое знание влечет за собой и новые вопросы.

ББК 87.524.2

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 66
«Календари и время»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото — Московская Биржа

Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 27.03.2014.
Заказ 12693. Тираж 300.

© Московская Биржа, 2014
© Никитский клуб, 2014